

ГЕНРИХ МАМОЕВ

СМЕРТЬ ПО-СОСЕДСКИ

ВСЕГО ОДИН ТЕЛЕФОННЫЙ ЗВОНОК СДЕЛАЛ
ЕГО ЖИЗНЬ НЕВЫНОСИМОЙ

Генрих Вазирович Мамоев

Смерть по-соседски

Серия «Преступление в большом городе. Современный детектив»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54975406

Смерть по-соседски: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-113288-0

Аннотация

Бывший мотогонщик Валентин Антипов живет одним днем. Постоянной работы нет, отношения с девушкой обречены на разрыв, денег хватает только на выпивку. Жизнь превратилась в серые будни. В один из таких дней неожиданно раздается телефонный звонок соседа, пожилого ветерана спецслужб. Антипов в недоумении: они практически не общались, но старик почему-то именно ему решил доверить важный секрет. Что это – жест отчаяния одинокого человека или тайный план опытного разведчика? Все становится еще запутаннее, когда на следующее утро соседа находят убитым. Валентин понимает, что остался один на один с невидимым врагом...

Содержание

Часть первая	5
Часть вторая	46
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Генрих Мамоев

Смерть по-соседски

© Мамоев Г.В., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Если Бога нет, значит, все дозволено?..
Ф. Достоевский

Часть первая

... Что-то оглушительно звенело, тревожно врываясь в безопасную гавань сна. Скатившись с дивана, я потряс головой, словно это могло как-то заглушить громкую трель – звонок продолжал долбить своими молоточками, но их противное дребезжание окончательно привело меня в чувство. Я был дома, и звонили в дверь. Обозлившись на собственный испуг, с трудом шевеля разбитыми губами, я раздраженно спросил, обращаясь, черт его знает, к кому именно я обращался:

– У кого там горит?!

Горело у ментов. В смысле, у милиции. То есть полиции. Точнее, у нее-то как раз ничего не горело. Полицейских вызвали соседи по причине смерти другого нашего соседа.

Я открыл дверь, как был, в трусах. Стоявший ближе полицейский хмуро оглядел меня сверху вниз. Потом поднял все тот же нахмуренный взгляд и, уставившись мне прямо в глаза, проговорил:

– Что у вас с лицом? – И не дожидаясь ответа на свой вопрос, тут же спросил: – Ваша фамилия Антипов?

Я не знал, на какой из вопросов отвечать, но согласно кивнул – никогда не нужно сразу лезть на рожон.

– Валентин Исаакович?

Внезапно захотелось зарядить в эту неподвижную физио-

номию, но, надеюсь, потомки, если они будут, поймут, что меня остановило. Выждав четверть Станиславского, я ответил вопросом:

– А что случилось-то?

Полицейский, теперь я разглядел его лычки – это был сержант, – слегка придвинулся и чуть изменившимся тоном сказал:

– Вы бы оделись.

Я захлопнул дверь. Ну все, началось! Я знал, что рано или поздно это случится и придется отвечать на всякие вопросы, типа: «Когда вы видели вашего соседа в последний раз? Он что-нибудь говорил вам?», и все в таком духе. А что я скажу? Что в последний раз видел его уже мертвым?! Или что он мертв уже три дня?! А откуда я об этом знаю? Никто, вишь, не знает, а я!.. И все, хана! Я же почти не умею врать! Нет, иногда вру, конечно, но верят мне почему-то не всегда. Скажем 50 на 50. Или 40 на 60?

Увидев себя в зеркале, я внутренне содрогнулся – сегодня было не лучше вчерашнего. Попрыскав водой в опухшее до безобразия лицо, я отчетливо вспомнил события трех прошедших суток и, наверное, впервые с начала всей этой кошмарной истории вдруг почувствовал... спокойствие. Это было какое-то новое, редко присущее мне чувство покоя и равновесия. Я будто вернулся из мира, где мои действия оценивались совершенно иначе, чем здесь, из мира, где каждый шаг грозил гибелью. Даже если он был единственным...

Все началось три дня назад, точнее, это случилось в среду ночью. Я не спал, просто лежал на своем продавленном диване и думал. О чем? Да ни о чем. Или обо всем, как посмотреть. О том, что с работы уволился – начальница, мымра, привязалась: что, говорит, вы все время на работу опаздываете, Валентин Исаакович? Или Антипов, опять вчера за воротник заливали? Дура! Какой нормальный мужик водку за воротник заливает? Закладывает надо говорить, закладывает! Еще я думал о том, что нет денег, и взять их неоткуда. Строго говоря, был человек, который по идее не отказал бы, но к нему я обращаться не стал бы ни за какие коврижки. Умирать буду с голода или там от цинги, все равно не попрошу, и тому есть веские причины. Думал, что в остатке сплошные минусы: денег нет, с работы уволили, за квартиру заплатить нечем, и вдобавок меня кинула Кэт. Катка меня кинула!

Ну, это как раз, не самое страшное. С Катей или с Кэт, как она любила себя называть при знакомстве, я стал смертельно уставать в последнее время. Ее постоянные капризы по самым невообразимым причинам могли расшевелить даже зверски уставшего верблюда! А разговоры о киноактерах, прическах, одеждах, макияже и прочие издевательства над моими нервами могли продолжаться бесконечно. До тех пор пока она, возбудившись от таких разговоров, не набрасывалась на меня. А дальше все было как обычно – как в первый раз, как в двадцатый. Я подозревал, что она и слушать не

захочет о других возможностях заниматься любовью, кроме как страстного целования и быстрого трах-трах, но однажды все же решился. Она внимательно выслушала меня, потом завела разговор о Мэле Гибсоне и через полчаса вновь, как всегда, скакала на мне, издавая при этом одни и те же звуки. Я запомнил их очередность и как-то шутки ради подыграл ей, издавая те же звуки, но чуть-чуть раньше нее.

И ничего! Она ничего не поняла! Кончив как обычно со свистящим – «Есть!», Кэт упала на бок, а я пошел за водой. Она всегда пила воду после секса. Ее запоздалое: «Воды!» догнало меня уже на кухне. На той самой кухне, где моя девушка бывала лишь когда я звал ее откусать чем бог послал. Все остальное время эта часть квартиры была в полном моем распоряжении.

Да, мы часто ссорились. Обзывали друг друга разными словами, но вновь начинался безумно интересный разговор о Питте или Брэде, и я ловил себя на мысли, что день сурка когда-нибудь закончится, я смогу жить дальше, совершенно не интересуясь в который раз женился Брюс Уиллис и кого там родила Мадонна. Наконец этот день настал. Это была среда, четырнадцатое сентября. Она позвонила с моего мобильного и сообщила, что айфон и мотоцикл оставляет себе, поскольку прожила со мной три месяца и считает это минимальным возмещением причиненного ей ущерба. Мне же остается моя собственная, доставшаяся от отца-эмигранта машина, и я еще должен быть ей благодарен за доброту.

Я подумал тогда, что больше брать у меня, в общем-то, и нечего – разбитый «жигуленок» пятый год ржавел во дворе, в котором заезжие бомжи давно свили любовное гнездышко. Еще я подумал, что она стерва. Без злобы, просто констатировал факт. Попросила утром телефон и мотоцикл, сказала, что ей нужно, а потом позвонила и сообщила, что я лох. Сначала я даже не знал, что ей ответить, но потом в двух-трех словах лаконично высказал все, что думаю. Правда, уже после того как она отключилась. Я долго и обстоятельно перечислял самому себе, какой я идиот и болван, но это занятие быстро надоело, и я лег на диван. Мне хотелось дать ей время одуматься и самой пригнать назад мою спортивную «Хонду» и вернуть смартфон, без которого я был как без рук и даже определил для себя время: до девяти часов вечера.

Девять прошло, потом где-то сказали: «Московское время 22 часа», и я понял, что обманут. В самых лучших своих чувствах обманут и кинут. В одиннадцать я решил действовать.

Есть у меня знакомый в автоинспекции, не друг, но неплохой по-своему парень. Пару раз оштрафовав меня за превышение, он дал мне визитку и странным голосом произнес:

– Это наш клуб. Мотоциклистов. Если хочешь, приходи – там никто не штрафует.

Только потом я догадался, что странность в голосе была вызвана смущением, а смутился он, потому что со второго

раза все же узнал меня и, преодолевая внезапную робость, спросил:

– Вы же тот самый... Антипов?

Это сладкое, с едва заметной горчинкой «тот самый», и заставило меня взглянуть на него по-другому. Оказывается, чемпионы 90-х по мотокроссу еще не забыты, народ помнит и знает своих героев. Не помню, что тогда ответил, но в мотоклуб на Дмитровском шоссе я приезжал пару раз. Все красиво, но мне не понравилось. Что-то очень напоминающее «Дикий Запад», так я охарактеризовал этот клуб маменькиных сыночков, приезжающих на дорогущих «Бентли» и «Астон Мартинах» с джипом сопровождения и установленном на нем таком же безумно дорогим «Кавасаки». На худой конец можно было и на последнем «БМВ» прокатиться, с сумасшедшей подвеской, не боящейся никаких препятствий (кроме московских колодцев, разумеется). На мою «Хонду» юнцы смотрели как на раритет далекого прошлого, а ведь я за нее почти все премиальные истратил еще три года назад! Целых семь тысяч зелененьких!

Короче говоря, в клуб я ходить перестал, но с Мишей, так звали инспектора, который, к слову, тоже оказался не лыком шит и его «Ямаха» выглядела не самым допотопным динозавром, отношения поддерживал. Он и сам участвовал в гонках по улицам Москвы и приглашал меня, когда ставки были от 50 000 долларов и выше. Ему-то я и собирался позвонить и проконсультироваться, что делать в такой ситуации.

Но среда, четырнадцатое сентября, не знаю, есть ли такой фильм, был не мой день. Миши не оказалось ни на работе, ни дома, даже мобильный его отвечал женским голосом, сообщая об отсутствии и недоступности. Я повторил попытки через десять минут, потом через пять, но результат был тот же. Ругнувшись, я в раздражении бросил трубку. Немного постоял над телефоном, вспомнил об одном человеке, который мог дать дельный совет, но не любил, когда ему звонят по пустякам. Дернулся искать сотовый, но мобильник был у Кэт! С мотоциклом! Который был практически единственным средством для поддержки штанов! Ну, Катя, едрена вошь!

Я чуть не взвыл! Помню, что отшвырнул от себя идиотского плюшевого мишку, которого любила тискать моя подруга, называя его разными именами. Ну, там, я кричу ей с кухни, мол, кушать подано, а она своему волосатому: «Ну что, Жанчик, пойдем кушать?»

Жанчик! Надо думать, что в тот момент она представляла, что несет на руках Жан-Клода Ван Дамма. Хорошо, не Куценко или, не дай боже, Поренченкова, хотя по мне никакой разницы.

Делать было нечего. На домашний телефон мне почти никогда не звонили, телевизор не работал, который уж год исполняя функцию небольшого столика. Магнитолы не было, потому что я не покупал музыкальных центров, считая, что музыки достаточно и в айфоне, а с компьютерами и вовсе

был на «вы», хотя не раз пытался освоить этот мудреный продукт современности.

От злости хотелось что-нибудь пожевать, и я прошел к холодильнику, но продуктов там было не больше чем вчера. То есть во вторник. То есть ничего. На нижней полке морозильника лежало что-то окаменевшее и замотанное в полиэтиленовый пакет, но есть вдруг расхотелось, и я с силой захлопнул дверцу, на что старый холодильник мгновенно отреагировал угрожающим рычанием. Не хватало, чтобы еще и он сломался, хотя если задуматься, какая разница – все равно морозить нечего.

Такой вот был день, и вечер оказался ничуть не хуже. Я без мотоцикла, телефона, денег, еды и сигарет! Вот что было самым ужасным. Поскреб для верности в прохудившихся еще прошлым летом карманах, но ничего, кроме оборванных бумажек и тканевых катышков не нашел, а ведь на эту куртку я имел надежды. Может, завалилась какая-нибудь монетка в дырочку и лежит себе там, думает, когда это Валя меня найдет?

Ненавижу свое имя! Валя! Сразу ведь и не поймешь, мужик или баба? Пардон, женщина. Ну, вот что стоило родителям назвать меня как-нибудь по-другому?! Например, Иосиф. Хорошее библейское имя, а при отчестве Исаакович, так и вовсе персонаж самой популярной книги. Или на худой конец Иваном. Иван Исаакович! Не звучит – гремит! Такой русский еврей. Хотя, если честно, евреем я себя никогда не

чувствовал. Да и какой я еврей, если только по отцу такой? Мама была русской, я носил ее фамилию, и отец мой еще до моего рождения изменил свою «юношью» на мамину. Я подозреваю, что он и имя хотел сменить, но что-то, наверное, помешало.

Потом, когда стало возможным свалить на историческую родину, мои предки все же сменили фамилию на более подходящую в жаркой (во всех смыслах) местности, более известной, как Святая земля, ставшей им новой родиной. Я бывал там пару раз, но мне не понравилось. Очень жарко. В смысле погоды, конечно. Ни в каких боевых действиях я не участвовал, из взрывающихся кафе также не выбегал, но не мое это...

Никакой мелочи в карманах я не нашел да и откуда ей было взяться? В голове зрела смутная мысль, могущая спасти от голодной смерти, и я вновь подошел к телефону. Но тот зазвонил раньше, чем я успел прикоснуться к нему. Неприятности могли продолжиться, и я, как фаталист, склонен был думать, что черная полоса сегодня еще не закончится. Но это был сосед, Виктор Николаевич Осипов. Было странно, что он звонил мне, да еще в такое время, но мысль о сигаретах подстегнула мою вежливость, и я ответил:

– Слушаю вас, Виктор Николаевич.

– Валька, – он всегда называл меня так, с самого детства, – ты не мог бы зайти ко мне?

Его голос отчего-то дрожал. Или мне так показалось?

– Что-то случилось? – Я спросил не из вежливости – у соседа должны были быть серьезные причины, если он вдруг решил позвонить мне ночью.

– Пока нет, но это важно. Пожалуйста, зайди ко мне, – он замялся на мгновение, – один.

Я понял. Он терпеть не мог Кэт, и, когда мы встречались с ним в лифте и вынуждены были ехать вместе, он всегда отворачивался от нее и молчал. Дело в том, что однажды они крепко поругались. Он сделал ей замечание по поводу мусора, который она оставляла на полу, неаккуратно выбрасывая отходы в мусоропровод. Но она, истинная «арийка», возмутилась, что какой-то старик смеет ей что-то выговаривать, обозвала его старым ослом и почему-то пижоном. После того Виктор Николаевич перестал со мной здороваться, предпочитая дожидаться другого лифта, нежели ехать с нами. Поэтому-то я и был удивлен его звонком, хотя ничуть не удивился просьбе прийти одному.

Я подошел к зеркалу, посмотрел на исхудавшее от треволнений лицо и вышел из квартиры. В тапочках. До его двери было несколько метров, которые я одолел за пару секунд, но дверь так резко открылась навстречу, что я чуть не врезался в нее всем телом.

На пороге стоял хозяин квартиры, одетый по всем канонам воинского устава. Я забыл сказать, что Виктор Николаевич был полковником в отставке. Кажется, пограничных или каких-то еще секретных войск, но, даже будучи на пенсии,

он всегда одевался очень строго, хотя и в гражданскую, как сам ее называл, одежду. Сейчас же он был при полном параде, даже ордена висели, где им положено. В общем, настоящий полковник.

Он как-то по-детски поманил меня рукой, призывая двигаться чуть быстрее. Я вошел в квартиру, дверь тихо защелкнулась, и он, наклонившись ко мне, громким шепотом произнес:

– У нас мало времени, поэтому ничему не удивляйся, просто выслушай меня.

Увидев мои вскинутые брови, и не давая мне вставить ни слова, он продолжил:

– Не перебивай, а выводы сделаешь потом. Если они понадобятся.

Последняя фраза вышла слегка таинственной и немного грустной. Я выдержал половину Станиславского, на большее меня не хватило, и спросил, глядя ему прямо в глаза:

– Что случилось-то?

Он посмотрел на меня странным взглядом, в котором можно было прочесть и сомнение, и сожаление, и, наконец, решимость, после чего порывисто схватил меня за руку и потащил в комнату, другой рукой делая знаки, призывающие к молчанию. Я не сопротивлялся, так на меня подействовала вся необычность ситуации.

Честно говоря, я ожидал увидеть в комнате намыленную веревку или какие-то другие причиндалы для суицида, или,

на совсем уж худой конец, чей-то труп, таким взволнованным показался мне сосед, но, к счастью, ничего такого в комнате не было. Обычный или, скажем, не обычный для меня порядок царил во всем. Даже стулья стояли ровной шеренгой, как взвод вымуштрованных солдат. Все вокруг блестело и сияло, словно бляхи у тех же солдат, и ни малейшего милосердия моему пятнышка пыли или упаси бог, соринки. Просто стерильнейшая в мире комната!

Николаевич жестом усадил меня в кресло, на которое я опустился, боясь, что ровно лежащая на нем ткань обязательно сомнется, и Виктор Николаевич разволнуется от этого еще больше. Увидев мою неуверенность, он слегка надавил на мое плечо, и я был вынужден упасть в кресло, отметив, что оказался прав. Покрывало, лежавшее вдоль мягкой части спинки и сиденья, примялось. Не угадал в другом – мой строгий сосед не обратил на это ровно никакого внимания, что уже было необычно. Он схватил ближний к нему стул и, поставив его передо мной, уселся на него и начал.

Лучше бы он не начинал. Нет, от этого бы уже ничего не изменилось. Лучше бы он вообще мне не звонил. Но это произошло, а повернуть время вспять, насколько мне известно, еще никому не удавалось.

– Валька, – он всегда меня так называл. Кажется, я это уже говорил? – Я знаю, что ты человек серьезный и знаешь меня уже давно.

Насчет собственной серьезности я не был уверен, но во

втором он был прав. Я действительно знаю его давно. С детства. Своего, разумеется. Я кивнул, стараясь угадать, какую из гэбэшных тайн мне предстоит услышать, но он сказал совсем другое.

– Я хорошо знал твоих родителей, – он сделал коротенькую паузу, – твой батя, пока не уехал, и я были, можно сказать, друзьями.

Я помнил, что они иногда выпивали вместе, на что мама всегда говорила... Впрочем, неважно, что она говорила. Женщины всегда недовольны, когда их мужья пьют, даже если они это делают в соседней квартире.

– Меня сегодня убьют. – Его слова казались бредом сумасшедшего, внезапно начавшего говорить четко и внятно. – Возможно, что убьют.

Убьют, возможно, – я не понимал, о чем он говорит, но до меня вдруг дошло, что он имел в виду, когда напомнил о сроке нашего знакомства. Он хотел сказать, что я знаю, что он не сумасшедший, а разумный и серьезный человек. Я не сомневался в этом и поспешил заверить:

– Конечно, я знаю вас. И папа... – В голову пришла неожиданная мысль, что в его взгляде мелькает какая-то тайна, которую он не хочет озвучивать. – Но вы уверены? Насчет того, что вас хотят... убить? Может, вы ошибаетесь?

Он снова посмотрел на меня, затем перевел взгляд на мои нервные руки и сказал:

– Я никогда не говорю попусту. И я не догадываюсь о том,

что может произойти, а точно ЗНАЮ ЭТО!

Последние слова были произнесены тем же негромким ровным голосом, но почему-то показалось, что прозвучали они громко. Я ощутил нервный озноб вдоль позвоночника и подумал, что такого адреналина не испытывал уже несколько лет. С последней и окончательной травмы, поставившей крест на моем занятии спортом.

– Виктор Николаевич... – начал было я, но он перебил меня.

– Послушай, у нас мало времени. Я должен сказать тебе нечто очень важное, а ты уж сам решай, стоит оно того, чтобы ввязываться или нет.

Меня зовут Бонд. Джеймс Бонд. Я подумал, что сейчас сосед хлопнет в ладоши и рассмеется, а из-за штор выедет оператор с огромной камерой на подставке, подбежит симпатичная девушка и, улыбаясь, скажет:

– Улыбайтесь, вас снимала «Скрытая камера».

Оператор не выехал, девушка не улыбнулась, а Виктор Николаевич смотрел на меня строго, правой рукой что-то доставая из кармана пиджака.

Я молчал, наблюдая за его действиями. Он протянул кулак и разжал его прямо перед моим носом – на ладони лежал ключ. Маленький такой ключик. То ли от большого чемодана, то ли от какого-то ящика. Я непонимающе посмотрел на него.

– Здесь все: деньги, которыми ты можешь воспользо-

ся по своему усмотрению и кое-что еще, из-за чего... — он замялся, оценивающе глядя на меня, словно до сих пор не был уверен в правильности своего решения. — Если тебе не удастся сделать то, о чем я попрошу, тогда воспользуйся ключом. Но об этом потом. Сначала дело.

Я чувствовал себя Алисой в Зазеркалье.

— Что за дело, Виктор Николаевич? И потом, если вас должны убить, не лучше ли перейти ко мне и там спокойно все обсудить? — Мне почему-то казалось, что «манечка» преследования, вдруг обнаружившаяся в спокойном доселе человеке, может утихнуть в незнакомой обстановке, и добавил:

— Железная дверь, замки иностранные. А если что, мы полицию вызовем, я вот только что звонил знакомому инспектору... — Помялся, вспомнив, что Миша так и не ответил на мои звонки, и продолжил: — Можно набрать ему, а он подскажет, что делать.

Я сам обалдел от своей тирады, но Николаевич, похоже, тоже что-то такое услышал в ней и вроде какая-то надежда мелькнула в его глазах. Мелькнула и погасла. Он опустил голову и сказал:

— Нет, я не могу. Я дал слово, и от этого зависит судьба и жизнь моей бывшей семьи.

Я засомневался, что бодрствую. Захотелось ущипнуть себя, но сделать это незаметно не удалось бы, поэтому оставил эту затею.

— У нас не принято трогать семьи агентов, тем более быв-

шие, но сейчас не тот случай. Эти люди пойдут на все, чтобы добраться до диска.

Та-ак, до диска, значит! Никогда не говори никогда! Так кажется, назывался один фильм из Бондианы? Черт! Беседы с Катей не прошли даром. Мысль, невзирая на всю серьезность происходящего, вновь скользнула к Кэт. Вот же, понимаешь! Катается, небось, на моем мотоцикле с каким-нибудь плейбоем. И еще снимает на мой телефон, как он раздевается! Она и меня снимала, хоть мне это и не нравилось. А когда я хотел запечатлеть ее в душе, поднялся такой крик, что успокоить ее оказалось весьма затруднительным делом. Кэт вообще была истеричной особой...

– Я должен отдать им одну вещь, и тогда, возможно, меня не тронут. Но я слишком глубоко копнул и боюсь, шансов нет, – голос Виктора Николаевича звучал словно издалека.

Я вернулся из личных переживаний и вновь прислушался к безумным речам полковника секретных войск. Он протягивал мне мобильник, который я взял из его рук, с некоторым удивлением разглядывая незнакомую мне модель.

– Ты уйдешь сейчас к себе и не выйдешь оттуда до утра, пока люди не пойдут на работу. Выйдешь с кем-нибудь из подъезда, по сторонам не оглядывайся. Иди к остановке, не привлекая внимания. Сядешь в маршрутку, а еще лучше в автобус, потом метро, потом сделаешь несколько пересадок и выйдешь на станции Третьяковской. Возьми этот телефон, он не совсем обычный, но ты парень неглупый, разберешься.

По нему тебе позвонит... — он замялся на мгновение, — один человек и скажет, что делать дальше. Инструкции нужно...

Я перебил его:

— Виктор Николаевич, объясните, что происходит? Почему я должен куда-то ехать, и что это за игры такие?

Он вдруг замер, к чему-то напряженно прислушиваясь. Не говоря ни слова, сосед повернул голову к двери и сделал мне знак рукой. Я поднялся с кресла, стараясь не издавать ни малейшего звука. В голове настойчиво вертелась фраза о «скрытой камере», но сердце билось так быстро, что в наступившей тишине его удары грохотом раздавались в мозгу. Полковник тоже встал со стула и сделал то, что я никогда не забуду: он протянул мне руку, в которой лежал ключ, а потом поставил на место стул, ровно в шеренгу, сапожок к сапожку, чтоб мне не жить! И только после этого указал в сторону шкафа, одна дверца которого была, как ни странно, открыта. Я вопросительно посмотрел на него. Моя вспотевшая ладонь стискивала маленький кусочек металла, словно пытаюсь проникнуть в его тайну.

— Лезь. — Он даже не прошептал. Это была какая-то особенная манера передачи слов на расстоянии, безвибрационная, если можно так сказать, но я все понял. Как если бы он проорал в самое ухо. И, чувствуя, как начинает краснеть мое лицо, отвернулся и быстро прошел к шкафу. Возле большого, просто исполинского сооружения я остановился и посмотрел на полковника. Мое лицо уже пылало. От стыда.

Он покачал головой и показал рукой:

– Следующий.

Это был даже не шкаф, а допотопный сервант, с разделенными полками, между которыми было примерно по тридцать сантиметров расстояния. Как я мог там спрятаться, было совершенно непонятно.

– Открой, – шепнул полковник тем же манером, только в этот раз я даже не видел его губ. Я открыл дверцу и увидел то, что ожидал – полки, хрусталь, чашки, ложки. Где-то негромко раздался звук медленно проворачиваемого ключа. Сосед на секунду обернулся к двери. Потом, словно решившись, вынул откуда-то огромный пистолет – такие я только в кино и видел – и, наставив его в сторону двери, тем же способом сказал последнюю фразу в жизни:

– Полку на себя.

Я схватил первую попавшую мне под руку полку и рванул ее, с ужасом предвидя, что весь хрусталь сейчас полетит на пол, ложки лавиной посыпятся на меня, но ничего не произошло. Где-то в шкафу что-то тихо щелкнуло и все полки, строго по ранжиру поехали мне навстречу. Хрусталь, бывший некогда мерилем состоятельности советских граждан, служил у полковника другим целям и, похоже, что был безжалостно приклеен к полкам, что впрочем, даже удобно.

Полки отъехали в сторону, и передо мной оказалась неглубокая ниша в стене, в которой я, однако, смог поместиться. Что и сделал. Едва я успел втиснуться и нажать на

призывно алевшую красным кнопку, как сервант захлопнулся, словно крокодила пасть, и я оказался в его «чреве». Но здесь, в отличие от комнаты, из которой доносились глухие отрывистые звуки, было безопасно. Прислушавшись, я понял, что это за звуки. Сердце мое уже не билось. Не то чтобы так учащенно, как минуту назад, а вообще не билось. Я влип в шпионскую историю, стою тут, понимаешь, полусогнувшись в каком-то невообразимом капкане, из которого даже не знаю, как выбраться, а снаружи кто-то методично стреляет.

Последний хлопок прозвучал через полминуты после почти целой очереди, что позволило мне сделать вывод о контрольном выстреле. В голову. Кино напичкано сюжетами, где непременно присутствует сцена контрольного выстрела. Оказалось, в жизни такое тоже бывает. В смысле, в моей жизни. Сердце по-прежнему не билось, словно затаившись до лучших времен. Снаружи ничего не доносилось, но я был готов просидеть в этом мешке хоть сто лет, лишь бы меня не нашли. В противном случае даже жизнь с Кэт показалась бы раем небесным.

Воспоминания о бывшей подружке не оставляли даже здесь, за хлипкой перегородкой от убийц, которые прибьют меня и много не возьмут. Я никогда не отличался особой храбростью, а на мотоспорт пошел, скорее, из принципа, что тоже могу чего-то добиться без родительской опеки. Добился. Три перелома правой и два левой. Отбитые почки

и все чаще одолевающая ломота в пояснице. Надо бы сходить к врачу...

Черт! К какому врачу?! Мне вдруг показалось, что я на мгновение уснул, и страх вновь облил меня адреналином. Незабываемо!

Я старался прислушиваться и, чтобы хоть как-то занять себя, попробовал начать считать, примерно раз в секунду. Я прикинул, что если досчитаю до 3600, то пройдет около часа, а столько убийцы вряд ли задержатся на месте преступления, если уже не ушли.

...Руки онемели последними. Сначала закололо в ногах, и они стали наливаясь холодом, потом вновь напомнила о визите к врачу забарахлившая поясница, и сейчас вот руки. Единственное, что не тревожило, это поступавший откуда-то воздух, хотя трудно было понять, как вентилируется этот мешок. Внутри было совершенно темно, и даже ярко-красная надпись слева от меня сливалась с общим черным фоном, который уже начинал давить на меня.

Онемевшие члены призывали к действию, и я решился. Убедившись, что красная кнопка оказалась одноразовой, я стал шарить руками по стенам каменного мешка, стараясь при этом не издавать шума. Сначала пошарил по голой стене справа и ничего, кроме маленькой дырки там не обнаружил. Дырка как дырка, не функциональная. Левой я постарался тщательней обследовать стену слева, но и там не оказалось ничего, что могло послужить рычагом или кнопкой,

чтобы открыть дверцу секретного серванта. Тогда я перешел на переднюю стенку, сделанную вроде как из фанеры. И оказалось, что ларчик открывался проще не придумать. Надо было всего лишь толкнуть глухую стенку, точнее дверцу, что закрывала выход в мир, и она поехала с тем же характерным щелчком. Я приготовился прыгнуть на любого, кто окажется на пути. Не знаю, кого я ожидал увидеть, но одеревеневшие мышцы вдруг наполнились непонятно откуда взявшейся силой, и я толкнул дверцу. Сил оказалось немного, дверца двигалась невозмутимо ровно, лишь в самом начале слегка качнувшись, словно негодуя на мое хамское поведение.

Я вывалился из серванта и обреченно посмотрел туда, где в последний раз полковник стоял с пистолетом в руках, и вновь увидел его. Только он уже не стоял, а лежал. Пистолет был так же зажат в правой руке, а левая была откинута назад, указывая прямо на меня. А дальше все как в кино. Вокруг головы растекалась лужа медленно подсыхающей крови. Лица не было видно, но то, что это Виктор Николаевич, лично у меня сомнений не было никаких. Его парадный китель, волосы, ордена. Лица, правда, не было вообще, словно в него стреляли из гаубицы, но мне почему-то не страшно было на него смотреть.

Я стоял над трупом человека, которого знал всю жизнь, с самого детства. Не сказать, чтобы любил его, но и плохого про него язык бы не повернулся. Наша недавняя размолвка – так это спасибо моей фурии, она в очередной раз пока-

зала мне, глущу, кто она такая, а я... Так, стоп! Даже сейчас я не мог выбросить ее из головы! Слегка потряс головой и вспомнил про телефон, который дал перед смертью сосед. Мобильник был тяжелым, словно сделан из чистого металла, экран закрывала титановая пластина с углублением, в которое я машинально воткнул большой палец. В уголке телефона что-то неярко вспыхнуло, и пластина отъехала, открывая небольшой дисплей, на котором не было привычных иконок. Времени разбираться с непонятной штукой не было, и, прикрыв дверцу недавней тюрьмы, я двинулся к двери – пора было уходить. И чем быстрее, тем лучше.

Пробежав мимо неподвижно лежавшего полковника, я выскочил из квартиры и захлопнул за собой дверь. Получилось громко, но на мое счастье, никого из соседей на площадке не было. Впрочем, за глазками, может, и стояли. С них станется.

Я быстро подошел к своей двери, но с ключами вышло хуже. Я никак не мог вставить английский ключ в его же английскую скважину. Рука дрожала, совершая несвойственные ей движения. Пришлось задержать дыхание, вспомнить, в очередной раз, старину Станиславского и, о чудо, дверка открылась. Я буквально влетел в квартиру и, щелкнув все тем же английским замком, почувствовал себя в некоторой безопасности.

Этим чувством я наслаждался ровно секунду, потому что именно через такой промежуток времени я вспомнил про

ключ и полез в карман, куда убрал его, когда шарил по стенам убежища. Сейчас ключ лежал на моей ладони как ни в чем не бывало, посверкивая металлическими гранями. Я перевернул его. На другой стороне было написано «К-32». И все. В другой руке лежал странный смартфон, а мысли мои разбегались, как напуганные дустом тараканы. Да, у меня есть ключ, но я не знаю, где находится та скважинка, под которую он изготовлен, а все, что я могу констатировать, так это два, нет три факта. Первое, полковник убит, второе, у меня есть странный телефон и ключ неизвестно от чего, и третье, что было самым неприятным, – я влип!

Мое второе «я», запуганное и затюканное, негромко пробурчало, что нужно поскорее все забыть и тогда, возможно, беда обойдет стороной, но в голове щелкнуло почти как в том серванте и, оглядев ключ со всех сторон, я снова убрал его в карман.

Волнение то накатывало, то отступало, а во рту было сухо как в Каракумах и горячо, как в... словом, я налил себе полный стакан водопроводной и залпом осушил его, даже не почувствовав вкуса. Повторив процедуру, я почувствовал, что мой желудок отяжелел, но жажда не проходила, и я налил в третий раз. Любимый хлористый вкус наконец пробился, и я ощутил себя дома. Теперь можно было сделать то, о чем подумал еще в прихожей.

Я уже говорил, что в не ладах с цифровой техникой, но будучи не самым дремучим человеком, кое-что слышал о вся-

ких шпионских примочках. Уже привычно откинув титановую пластину странного мобильного, нашел небольшое темное стеклышко в углублении и поднес его к глазу. Секунду ничего не происходило, а затем на экране появилось несколько непонятных иконок. Потыкав, я убедился, что они открываются, но абсолютно пусты – никто не звонил на этот номер, и с него тоже не было вызовов. Странности продолжались. Если с моим отпечатком пальца, открывшим пластину, еще можно было придумать какое-то объяснение, то каким образом у полковника оказался отпечаток сетчатки моего глаза, было совершенно непонятно.

Я попробовал подвести хоть какие-то итоги. Итак, телефон, который принадлежал полковнику и который он отдал мне, должен сыграть свою роль. Вопрос, в каком акте моей трагедии (и почему я в этом не сомневался?) он сыграет ее, оставался открытым, но уже было ясно, что не в первом. Я вдруг подумал, что сосед забыл дать зарядное устройство, но, взглянув на дисплей, успокоился – агрегат был заряжен на полную. Это наблюдение придало новый толчок моим мыслям. Если так, то есть вероятность, что позвонят не сегодня, а завтра. Или, может, послезавтра? Из чего следовало, что нужно успокоиться и подумать о дне сегодняшнем.

Желудок отозвался жалобным урчанием. Сколько же я не ел?! Вчера жевал какую-то гадость, которую выбрала Кэт в этом гадюшнике под названием «Трактир». Мы потратили последние деньги, что-то около 60 баксов, и я ничуть не рас-

строился. Потому что знал, мы расстаемся. Знал, но загонял эту мысль поглубже. Может, боялся сглазить? Да, скорее всего. А утром был вытянут за нос, опущен и раздавлен. А ведь могла же просто уйти, без вздохов, без сожалений и уж точно без моих вещей. Как в ее любимых фильмах. Но нет, ушла как в моих любимых фильмах, где главный герой остается с носом и на потеху публике. Да ну ее! У меня здесь такое, а я все о чем-то уже ушедшем и, надеюсь, ушедшем навсегда думаю. На чем я там остановился? На Кэт я остановился. Прикипел я к ней, что ли?!

Включив чайник и рассматривая необычный телефон, я размышлял о предстоящем звонке. Кто это будет, мужчина или женщина? Если угадаю, может, смогу что-то понять раньше, чем меня используют втемную? Полковник что-то сказал о каких-то инструкциях, но я, как последний болван, перебил его! Ладно, тут уже ничего не поделать, так что проехали.

Я думал об этом деле и, чем больше погружался в возможные варианты, тем меньше понимал, почему именно я оказался в этой ситуации? Это был хороший вопрос, потому что у Виктора Николаевича был сын, который переехал вместе с матерью после их развода. Почему, я понял сразу – не рисковать же своим сыном, когда рядом есть хороший парень Валька, спортсмен, и т. д. Вот пусть он каштаны-то и потаскает. А если сделает, будет ему, ну, то есть мне, награда денежная, которая достанется после того, как я пойму, что

же открывает этот ключ. Перед глазами возникла картина лежавшего в луже собственной крови полковника Осипова, и запоздавшая реакция таки настигла меня...

Я бежал к туалету, еле сдерживая мощные позывы очумевшего желудка. Я не ел со вчерашнего дня, но выворачивало как после новогодних обедаловок. Позывы и впрямь оказались ложными – из меня полилась почти что прозрачная вода, едко пахнувшая общественным туалетом после влажной уборки. Стенки желудка судорожно сокращались, что было довольно болезненно, и я попытался волевым решением прекратить это безобразие, но тут вылился последний стакан проглоченной водопроводной, и тошнота почти сразу утихла. Я умылся и решился взглянуть на себя в зеркало. Не Жанчик, конечно, но хотя бы не Квазимодо. Так, обычная морда тридцатилетнего лодыря, к тому же безработного. И кинутого. И влипшего в идиотскую историю!

Я посмотрел на телефон, с которым теперь не расставался, и мне пришла в голову идея позвонить на свой номер, который был нагло конфискован. Не думая о том, что скажу, я быстро набрал одиннадцать цифр и приложил мобильник к уху. Она сняла после третьего гудка.

– Алло, я слушаю.

«Опять мурлычет», – подумал я, стараясь не дать гневу вскипеть раньше времени.

– Здравствуй, котенок, – я старательно делал вид, что ничего не произошло, – как дела?

– Не твое дело! – Мне показалось, «котенок» испугался, но уверенности не было.

Я успел сосчитать до двух, поэтому следующие слова были уже гораздо мягче произнесенных про себя.

– Котенок, так нельзя прощаться. После таких расставаний остается ощущение, что ты просто бессмысленно потерял время, от которого не осталось даже приятных воспоминаний.

Казалось, она задумалась. Но я ошибся.

– Прощай, – сказала Кэт и отключилась.

Хорошо, что ее не было в тот момент рядом. Я не хочу ссориться с законом. Говорят, это сильно затрудняет жизнь. Перезванивать я не стал. Во-первых, она бы не ответила, а во-вторых, достаточно и первого.

... Через некоторое время я все же выпил чай с сахаром, пытаюсь обмануть все сильнее сосущий изнутри голод. Видимо, нужно было выпить еще чашку, но я не успел претворить свое решение, потому что зазвонил телефон. Городской. Не ожидая от этого звонка ничего хорошего, я все же снял трубку.

– Валентин, привет, это Миша. Ты звонил мне?

Я так обрадовался, что забыл поздороваться.

– Миша, Миша! Ты мне так нужен! – Я даже не заметил, что почти кричу в трубку.

– Тише, друг, ты чего так разорался? «Хонду», что ли, угнали?

Я уже хотел сказать да, но вдруг представил себе последствия. Вот Кэт останавливают на посту, потом ставят рак... э-э, как это, раздвинув ноги, и какой-то мужик в форме начинает ее откровенно лапать! От такой мерзкой картины меня чуть снова не стошнило.

– Алле, алле, Валя, ты где?

– Да здесь я. Понимаешь, мне нужно знать, где сейчас мой мотоцикл, но ничего предпринимать и задерживать никого не надо. Можно так?

– Отчего же нельзя, можно и так. – Миша громко рассмеялся прямо в трубку. Чувствовалось, что он навеселе.

– И как это будет выглядеть?

– Ну, найдут его, повесят блокиратор и сообщат. А если хочешь, можно на штрафстоянку отгрузить!

Я отчего-то не склонен был доверять Мишину восторженному тону и поэтому спросил его:

– Ты уверен, что найдут?

– Если он еще в Москве – непременно! – Все-таки Миша был пьян, отчего и вся бравада.

– Я могу сказать, где стоит глянуть в первую очередь, – и назвал ему парочку известных в Москве клубов, где собирались разные, по-своему интересные люди.

– Да ладно, – усомнился Миша.

– У нее много знакомых, – ответил я, имея в виду Кэт.

Миша немного подумал, и, когда заговорил вновь, показалось, что он не так уж и пьян.

– Хорошо. Есть у меня пара ребят молодых, попрошу, сгоняют, посмотрят. Я оставляю им твой номер, лады?

– Отлично. – Я обрадовался так, словно мотоцикл уже стоял в моем гараже.

– Только ты, это, – Миша замялся, – ребят не забудь отблагодарить.

Я застыл с раскрытым ртом. Хорошо, что меня никто не видел.

– Алле, Валентин, ты пропадаешь...

– Я здесь. Конечно, не обижу, но пусть они ничего не предпринимают. Просто узнают где и все. Не надо блокираторов, и на стоянку тоже не стоит, ладно?

– Без проблем. – Миша легко согласился. Он вообще мировой парень, этот Миша, хоть и гаишник. Иди вот, потом скажи, что все автоинспекторы козлы. Это кому как.

– Спасибо тебе, Миш. – Я помолчал, не зная что добавить, но он опередил меня.

– Кстати, а почему по твоему номеру отвечает какая-то девушка?

«Потому что меня кинули и на телефон», – подумал я, но вслух произнес:

– Одолжил подруге.

– Понятно. То-то она как сумасшедшая заорала, что тебя никогда не будет по этому номеру.

Я вздохнул. Надо было как-то объяснить ему, что случилось, но постараться при этом не терять собственного досто-

инства. Не получилось...

– И мотоцикл в возмещение ущерба?! – Миша был поражен моим коротким рассказом и не скрывал этого. – Так тем более давай сразу в розыск ее, как воровку и угонщицу! Ты ее фамилию знаешь?

– Нет. – Я был растерян. Оказывается, я три месяца встречался с человеком, не зная даже фамилии. Или все-таки она говорила, но за каскадом звездных имен я просто забыл ее? Вполне возможно, иногда я бываю ужасно рассеян.

– Ну-у, брат, ты даешь! – протянул мой собеседник.

– Забыл я, понимаешь? Она как-то сказала, но я забыл.

– А адрес у нее домашний есть?

– Есть. Питерский. Но я не помню. Она здесь у тетки жила, пока ко мне не переехала.

Миша снова помолчал, но думаю, что дело было не в великом режиссере прошлых лет.

– Ладно, ничего страшного. Мотоцикл работает, значит, должен ездить. А раз так, то рано или поздно ее найдут. А если она еще в городе, то уже не уедет. Это я тебе обещаю.

Я еще раз поблагодарил его и, сославшись на плохое настроение, попрощался с ним. Настроение и в самом деле было хуже некуда. С одной стороны, очень хотелось, чтобы ее наказали, а с другой – мне претила сама мысль о том, что Кэт арестуют, посадят в вонючий обезьянник вместе с наркоманами и проститутками, и я решил перезвонить ему, чтобы он не давал команду на перехват, а попросил тех моло-

дых, о которых говорил. Я машинально набрал его номер на смартфоне и тут же отключил его. Неизвестно, для чего полковник оставил этот телефон. Но в любом случае, если я не ошибся и он был предназначен для меня, не стоило по нему решать свои мелкие проблемы. Мысли вновь переключились на полковника.

Это был ребус, у которого слишком мало исходных данных, но зато много неизвестных. Если изложить их по порядку, то это выглядело бы так:

1. Кто убил полковника?
2. За что?
3. Где и что открывает этот ключ?
4. Что недоговорил полковник?

И, наконец, последний, самый главный вопрос:

5. Почему я?!

Хотя его можно не включать в ребус. На него есть ответ, который при всей своей абсурдности мог претендовать на «стопроцентный». Но об этом позже.

Мне безумно захотелось покурить. В принципе, я испытывал это желание с самого утра, но волею обстоятельств был вынужден соблюдать табачную диету. Я в очередной раз подумал про Кэт, про то, как подло было лишить меня телефона, в котором записаны все действующие номера знакомых. На память знал всего один, но по нему можно было звонить в крайнем случае, а ждать, что кто-то вспомнит мой домашний и позвонит в такое время, было нелепо.

Звонок опроверг логичные рассуждения, когда я решил еще раз пройтись по карманам. Отвечать не хотелось – этот звук еще ни разу не принес хороших вестей, одни только неприятности. Даже разговор с Мишей нанес удар по моему самолюбию, заставив задуматься над некоторыми аспектами жизни. Поэтому я и стоял над аппаратом, считая звонки. После шестого снял трубку.

– Алло?

– Валя! Привет! – Радостный голос в трубке не соответствовал ситуации. Знакомый такой голос, но не соответствовал.

– Кто это? – Я старался говорить короче.

– Это я, Лелик!

Конечно, это был не Лелик. Звонившего звали Герман Вайс. Или Гера. Только он мог дурачиться, изображая разных людей по телефону. Еще он считал себя поэтом телефонного жанра. Глупо, но мы с ним почти друзья. В любом случае в последний раз мы дрались в классе, наверное, седьмом, а потом он с матерью уехал в Ленинград. Но несколько лет назад вдруг написал мне письмо, да не электронное, а самое что ни есть бумажное, и я ответил. Мы стали переписываться. Не часто, но иногда и созванивались. И такая телефонно-письменная дружба сохранялась вот уже лет пять, если не больше. Иногда Гера приезжал в Москву, и мы встречались, отмечая где-нибудь это событие, но такое случалось нечасто. Гера работал в Голландии, какой-то бизнес, связан-

ный не то с почвой, не то с растениями, и в Москву приезжал крайне редко.

– Гера, привет!

– Узнал? Ну да, теперь меня все узнают.

Я не понял.

– Ты что, запел?

– Запил, – ответ прозвучал как-то угрюмо, а это уже не вязалось с его обликом.

– Что-то случилось, Гер?

– Да так, ничего особенного. Жена ушла.

– Ты что?! Вот здорово! И моя, хоть и не жена, ушла!

Ушла и телефон на мотоцикле увезла.

– Блин! А я думаю, кто это на меня орет? И музыка орет, и она орет. Или ревет?

Я готов был сделать и то и другое.

– Так орет или ревет? – Я еле сдерживался, чтоб не послать его подальше с его подшучиваниями.

– Нет, точно. – Он словно задумался, вспоминая. – Да, точно.

– Что «нет, да», точно?!

– А?! Ревет! Точно! В смысле как медведь, аж мурашки по коже. Слушай, Валя, – его тон изменился и стал чуть более серьезен, хотя и по-прежнему насмешлив, – я тебе один умный вещь скажу, только ты не обижайся. Твой трицикл стоит прямо передо мной.

Я не поверил своим ушам.

– Что?! Где?! В Амстердаме?!

– Ты иногда бываешь непроходимо, нет, сейчас... – он замолчал на мгновение, подыскивая слово, – вот, непереносимо туп! Ты думаешь, твоему мотоциклу будет легче найти меня в Голландии, чем мне твой дом в Москве? Я, по крайней мере, хоть адрес знаю.

– Да? – Я думал о Кэт.

– Что да?

– Поднимайся, – мне надо было отдышаться. Надо же, пригнала мотоцикл. А почему не сказала?! Не позвонила? И когда успела?

– Сейчас, только ключи выну.

– Она что, и ключи в замке оставила?

– Да. Ладно, не лопни, пока я не поднялся.

Пока Гера при помощи медленного лифта преодолевал 9 этажей, я смог успокоиться и перестать задавать себе вопросы про Кэт. Пригнала, потому что испугалась. И точка.

В прихожей громко прозвенело. Я быстро подошел к двери и открыл ее, не глядя в глазок. За дверью стоял Гера, ставший, кажется, еще больше.

– Войду или нет? – Он стоял возле двери шириной в метр и придуривался. Этот человек удивлял меня своей жизнерадостностью и жизнелюбием. Никогда не унывающий, никогда не стонущий, всегда по-умному циничный. Еврей, одним словом. Просто очень здоровый.

– Привет, входи.

Когда я закрывал дверь, то мой взгляд упал на дверь полковника. Странно, но я ничего не почувствовал, словно случившееся недавно было сценой из какого-то фильма.

После объятий и пожатий мы уселись в комнате, и я с наслаждением затянулся настоящим «Парламентом». Периодически вставляя едкие реплики в мой короткий рассказ о том, как меня кинули, Гера сделал вдумчивое лицо и, собрав крупные морщины, изрек:

– Все бабы дуры. Я все сказал.

– А твоя, ты говорил...

– А моя, – он как-то скривился, затем махнул рукой, – ушла. И ребенка с собой увела. И адвокатов послала, только, как я уже сказал, все бабы дуры. Я договорился с адвокатами, и мне они, кстати, обошлись даже дешевле, чем ей. Говорю же...

– Понятно. – Его надо было перебить, многократное повторение одной и той же фразы действовало на меня прямо магнетически! – Давай куда-нибудь пойдем и выпьем. Мне так надо выпить и поговорить с тобой.

– Что, опять об этой своей... как там ее?

– Нет, – я помедлил, – о другом.

– Может, кто-то должен денег и таки не отдает? – Хуже всего у него получалось изображать старого мудрого еврея.

– Почти. Или хуже. Я не знаю, поэтому и хочу с тобой поговорить.

– Ладно, уболтал, тем более жрать хочу как Лукулл! Вы-

бйрай ресторан, но едем на такси, а не на твоём «велике». И вызови машину побольше, потому что в эти ваши «чайники» я уже не влезаю. Денег у тебя, как я понимаю, опять нет? – Он осмотрел меня как работяговец, оценивающий стоимость жалкого раба.

Мне оставалось только пожать плечами.

– Ладно, поехали, нищий жид. Так и быть, покормлю тебя на деньги, не вписанные в налоговую декларацию.

Такси подъехало минут через пять. Это был большой внедорожник премиум-класса, одобренный моим другом благодарным кивком. Гера расположился сзади и громко хохотал, рассказывая, как он договаривался с адвокатами. История была занятной и поучительной, но я не очень вникал в его рассказ, думая о своём. Я ещё не решился, стоит ли впутывать Геру в это дело или просто показать ему ключ и спросить, не знает ли мой мудрый друг, от чего он?

Пару раз я покосился на водителя, ехавшего с каменным лицом, пару раз ответил сидевшему на заднем сиденье великану, но мысли постоянно вертелись вокруг убитого соседа. Наконец мы приехали. Это был ресторан на Пятницкой, точнее, в одном из переулков. Я был там как-то раз, ещё до Кэт. Ничего так, тихое, без соло исполнителей заведение. И недорогое. Мы спустились по винтовой лестнице и, открыв окованную под старину дверь, вошли в зал ресторана. К нам тут же подошла девушка и отвела к одному из немногих незанятых столиков.

– У вас и среди недели по ночам в рестораны ходят? – Гера наклонился и говорил полугромким шепотом.

– Ну мы же пришли, – я пожал плечами.

– Хм, – хмыкнул голландский еврей и откинулся на спинку, – мы другое дело. Мы целый год не виделись.

– Может, и они, – я повел подбородком, – тоже не виделись.

– Ладно, бог с ними, – он умел быстро становиться из серьезного смешным, и наоборот. Как и сейчас. – Ты хотел со мной о чем-то поговорить?

Я еще не решил, говорить ему про убийство или просто показать ключ. В конце концов, ключ можно показать, что с того? Можно не объяснять, откуда он.

Вынув из кармана слегка потускневший ключик, я положил его на стол ровно между нами.

– Что это? – Брови его, черные и по-прежнему густые, вскинулись кверху.

– Это ключ, – пояснил я.

Он посмотрел на меня с сожалением.

– Я вижу, что это ключ. От чего он?

– Это я у тебя хочу спросить. – Разговор шел совсем не так, как мне представлялось, точнее ровно наоборот: Гера задавал мне вопросы, ответы на которые я бы и сам с удовольствием послушал.

– У меня?! – Брови взлетели еще выше. – Да я в жизни не видел этого ключа.

До меня наконец дошло.

– Послушай, мне просто хочется знать, это может быть ключом от ячейки, сейфа или какого-нибудь еще ящика?

– А, вот оно что. Ну-ка, дай-ка, – он взял со стола кусочек металла и поднес его к глазам.

– Не ячейка и тем более не сейф.

Герман повертел ключ в руках и задумчиво произнес:

– Может, от почтового?

Мне стало смешно.

– Вы в ваших палестинах вообще оторваны от реальной жизни. Если это почтовый ключ, то какой же тогда ящик? Золотой?!

– Да, я и забыл, где я, – признал Герман, – но я имел в виду ящик для почты внутри какой-нибудь гостиницы.

Я недоверчиво посмотрел на него.

– В некоторых отелях имеется такая услуга. Есть люди, которые снимают номера на длительные сроки, какая-нибудь иностранная фирма или просто богатый бездельник, который не спрашивает о цене. Они выкупают целые этажи, и вся корреспонденция для них складывается в специальные ящички, которые, представь, тоже называются почтовыми.

– Ты специально приехал из Амстердама, чтобы прочесть мне лекцию о гостиничных услугах?

– Нет, я приехал, потому что уезжаю.

Я потряс головой. Что еще за парадоксы?

– Я продал здесь все и уезжаю. И, если честно, не хочу

больше возвращаться, – впервые за вечер Герман выглядел серьезным.

– Гер, ты чего? А мама? У тебя же мама живет в Питере?

– Нет, Валя, больше не живет. В воскресенье похоронил ее.

Я молчал. Надо было что-то сказать, но у меня почему-то пересохло в горле. Гера первый нарушил молчание:

– Да, все, хватит. Намучилась она, теперь успокоилась.

Я знал, что его мать чем-то долго болела, по несколько месяцев проводя в больницах, наотрез отказываясь выезжать из страны, что всегда раздражало Геру.

Подошел официант и, разложив приборы, ушел.

– И что тебя сподвигло на такое? – кое-как я смог сформулировать вопрос.

– Некогда приезжать, оставлять в Питере квартиру без присмотра и вовсе ни к чему. Вот продам ее и все. Потому я, собственно, и приехал к тебе ночью.

– А где ты остановился?

– В Москве? В «Метрополе». Приехал вечером, пока то да се. Но твердо решил заехать к тебе сегодня вечером и вот он я! – Он улыбнулся грустной улыбкой и развел руками. – Завтра уеду, но хочу попросить тебя заняться продажей, если ты не очень занят. Документы я тебе дам, доверенность уже выписана, все бумаги в гостинице. Поужинаем – и ко мне. А завтра полетишь в Питер, я уж и билеты купил. Денег на жизнь оставляю, из своих комиссионных вернешь. Что

скажешь?

Он посмотрел на меня, и я понял, что в нем это от бога. Он бизнесмен от бога. От таких предложений не отказываются, но мне было как-то неловко. Гера понял мое молчание по-своему.

– Десять процентов от суммы тебя устроит? И еще пять, если уложишься за неделю.

– Но ведь надо еще найти покупателя? – Я уже включился в работу.

– Покупатель уже есть. Он позвонит тебе завтра вечером, договоритесь, когда начнете переоформление, и вперед.

Я смотрел на бывшего однокашника и думал. Думал и не мог никак придумать, почему он мне помогает? Конечно, мы друзья, но все-таки. Неужели белая полоса?

– А как с моей закончишь, сразу продавай свою и ко мне, в Амстердам. У меня там знакомые, очень влиятельные люди, – он хитро подмигнул. – Устроим тебе вид на жительство, откроешь бизнес какой-нибудь и живи себе! Европа, свобода!

– Гер, я не знаю, что и сказать, – на самом деле в моей голове вертелось много слов, но все они не подходили.

– Ну, так и не говори! А вот и наш ужин! Ммм, а пахнет-то как!

Официант быстро расставил заказ на столе и так же быстро испарился. Про ключик, который мне передал полковник, разговор больше не поднимался. Я не мистик, но что-то под-

сказывало, что это судьба...

Часть вторая

Номер в «Метрополе», который занимал Гера, был двухкомнатным люксом с двумя туалетами, огромной душевой с джакузи и прочими радостями жизни. От роскоши, окружавшей меня со всех сторон, было слегка не по себе. Похоже, что Герман заметил мое состояние и предложил выпить и, конечно же, в номере оказался бар с напитками, среди которых был армянский коньяк двенадцатилетней выдержки, с которого мы и начали. Оказалось, что Гера не забыл про ключик и после третьей рюмки он неожиданно спросил:

– Так что там за история с ключом?

Я едва не поперхнулся. Потом ответил честно:

– Я думаю, тебе не нужно вмешиваться, тем более, сам думаю отказаться, – говоря так, я все же кривил душой. Я не собирался просто так отказываться от приключения. Не то, чтобы весь из себя герой, но о том, что оно опасно, я не думал. А с другой стороны, что сейчас не опасно? Выйти из дома, и то опасно.

– Ну, ладно, как хочешь, – он пожал плечами, и вновь завел рассказ, как они с адвокатами жены и все в таком духе...

Мы допили бутылку, он ознакомил меня с документами и пошел спать в другую комнату. Я остался в той, где был бар, но пить больше не хотелось. Я чувствовал себя сытым, пьяным, и будущее рисовалось в весьма радужном свете. По-

еду в Питер, переоформлю квартиру, а как вернусь, займусь ключом. Посмотрим, что из этого выйдет, а не выйдет, так продам свою квартиру и уеду к Герману. Буду выращивать тюльпаны или там гладиолусы и продавать в слаборазвитые страны.

Почему в слаборазвитые, додумать не успел. В кармане зашевелился смартфон, который я прихватил с собой. Прodelав две уже знакомые операции с пальцем и глазом, я нажал на виртуальную кнопку и поднес телефон к уху.

– Слушаю, – я даже постарался изменить, насколько мог, голос – видимо, общение с неутомимым пародистом Германом пошло мне на пользу. Я ожидал услышать какой-нибудь шипящий шепот или искаженные акцентом угрожающие слова, но вместо этих ужасов услышал нежный женский голос:

– Алло? Простите, что так поздно, – я бы сказал что впору сказать «так рано» – было уже около пяти утра, – мне нужен Валентин.

– Кто?! – Я был так удивлен, что даже забыл изменить голос.

– Это вы, Валентин?

– Кажется, да, – глупый ответ не рассмешил мою собеседницу, – но откуда вы...

Нежный голос решительно перебил:

– Виктор Николаевич просил позвонить вам сегодня в пять утра и напомнить, что вы должны выйти из дома

в семь тридцать и сделать то, о чем он вас просил... — она помолчала одну секунду, а потом спросила: — Он ведь предупредил вас?

— Да, вроде того, — пролепетал я растерянно, продолжая пребывать в некотором шоке. Все это вернулось, и так быстро. Это уже что-то, сказал бы какой-нибудь заумный сыщик и тут же расколол бы, кто есть кто. Но у меня нет таланта дедукции, и я плохо знаю жизнь с этой стороны. Разве что по фильмам, от которых мне хочется выть.

— Хорошо, — не совсем в тему ответил нежный голос.

— Что хорошо? Кто вы?

— Это не важно. Я буду на связи и при любых возникших на пути трудностях, звоните мне.

— Куда? — спросил я и тут же пожалел. Гера прав, я иногда бываю непереносимо туп.

— У вас определился мой номер?

— Наверное, я не знаю.

— Это ничего, я сама буду вам звонить. До свидания.

— До свидания.

В трубке раздался едва слышный щелчок, и вновь стало тихо. Надо было что-то решать. Предусмотрительный Герман уже купил на мое имя билет на трехчасовой самолет до Питера, и мне надо было лишь забрать его, предъявив паспорт в Шереметьево. Тут я вспомнил, что паспорт и права я оставил дома. Это был прекрасный повод вернуться домой и заодно, кстати, загнать «Хонду» в гараж, пока моя доро-

гая Кэт не передумала быть пайнкой и не сожгла мотоцикл в счет возмещения причиненного ей за три месяца ущерба.

Я встал с дивана, подошел к двери, за которой спал Гера, и прислушался. Все было тихо, и в голову пришла мысль написать ему, что я отбыл за документами и вернусь к 11 часам. Мне казалось, за такой срок что-нибудь да прояснится. А если нет, что ж, тем лучше.

Я быстро накатал пару строчек «объяснительной», благо опыт писать подобные документы у меня накопился достаточный, и, придав себе более или менее приличный вид, вышел из номера, тихо закрыв за собой дверь.

Портье, одетый в невообразимый мундир, каких не носила ни одна армия на земле, презрительно посмотрел в мою сторону и демонстративно отвернулся.

«Так, меня приняли за мальчика по вызову», – подумал я, выходя из умопомрачительного здания, в котором смешались прошлое, настоящее и будущее, и я бы не сказал, что такая смесь мне была по душе.

Деньги Герман дал, еще когда мы выпивали коньяк, так что я смело поднял руку и маленький, по Гериным понятиям, «Мерседес», нарушая сразу несколько правил дорожного движения, резко свернул из третьего ряда, лихо притормозив перед правой ногой. Дверца откинулась, и я увидел почти лежащего на правом сиденье водителя, который с невообразимым акцентом, чудовищно коверкая слова, спросил, не забывая при этом широко улыбаться:

– Куда, дарагой?!

– На Таганку. – Мне не хотелось с ним ехать, но причин для отказа не было, тем более «кавказец», как я назвал его про себя, не спрашивая цены, хлопнул рукой по правому сиденью, на котором только что полулежал, и сказал:

– Поехали, мой залатой!

Я сел на это самое сиденье, и «Мерседес», словно бешеный конь, сорвавшись с места, понесся по безлюдным улицам. Мы в мгновение миновали Лубянку, затем мой камикадзе промчался по Солянке, невзирая на знаки и камеры, словно их и не существовало вовсе, и через каких-то две минуты, после того как я сел в машину, мы были уже возле бывшего «Иллюзиона». Кавказец виртуозно вел явно аварийный автомобиль, не обращая внимания на массу посторонних звуков, доносившихся со всех сторон. В салоне все время что-то то скрипело, то стучало. Откуда-то снизу тоже доносился нездоровый рев глушителя, но водиле все было нипочем. Когда мы выехали на самую площадь, он повернулся ко мне и спросил:

– Таганка, зэмяк, далшэ куда едем?!

– На Нижегородскую.

Он кивнул, и еще через две минуты я выходил из машины, видя сиротливо стоящую во дворе дома «Хонду». Я «щедро» заплатил ему, дав пять долларов. По курсу это было около трехсот рублей, но «кавказец» обиженно надул губы и, небрежно бросив деньги в бардачок, с силой захлопнул

дверь, ничего при этом не сказав. Я тоже не стал развивать наметившийся было конфликт.

Загнав «Хонду» в гараж, я закрыл его на два замка, испытывая какое-то щемящее душу чувство. Дома было все так же. Кэт, конечно же, не было, но я и так знал это. В противном случае она бы уже несколько раз позвонила бы на смартфон, номер которого у нее наверняка теперь в черном списке.

Я подумал, что неплохо было бы принять душ и вообще как-то привести себя в порядок и, не откладывая в долгий ящик, полез в ванну. Наплескавшись, но отнюдь не посвежев, я выбрался на кухню, где нашел остатки нерастворимого кофе. Заварив его по-польски, присел за кухонный стол и попробовал успокоиться. С того момента, как я прошел мимо квартиры Виктора Николаевича, меня не оставляло смутное беспокойство. Сначала оно было смутным, потом стало сильнее. Через несколько минут беспокойство трансформировалось в тревогу. Чем ближе подбиралась часовая стрелка к назначенному времени, тем сильнее колотилось сердце. Несколько чашек кофе взвинтили мое и без того нервное состояние. В половине седьмого я уже не мог сидеть на месте и стал ходить по комнате, меряя ее длинными шагами из угла в угол. Сначала просто считал шаги, чтобы не думать о предстоящем деле, потом заметил, что из одного угла путь ненамного, но все же короче, чем обратно. Пораженный этим фактом, смог убить еще пару минут на поиск

объяснения феномену, но быстро понял, в чем дело. Когда я шел от южного угла, к северо-восточному, мне приходилось слегка огибать угол стола, и я делал короткий шаг, обратно же шел прямо. Мобильник словно прирос к моей ладони. Я ни на минуту не выпускал его, ежесекундно ожидая звонка. Он раздался ровно в семь.

– Алло, – это был тот же нежный голос. Подумалось, что обладательница такого голоса не может быть некрасивой, а еще показалось, что я уже слышал его. Не в первый раз, когда она звонила, а раньше...

– Валентин? Алло?!

– Да, я слушаю. – От волнения мой голос был совсем непохож на ее. Осипший, как не вовремя схвативший простуду пенсионер, я зачем-то спросил: – Это вы? Я по-прежнему не знаю, как вас зовут.

– Если вы испытываете неудобство, называйте меня Катей. Или лучше – Кэт!

«КЭТ, Кэт, кэт», – эхом пронеслось в моей голове до боли знакомое имя. Я подумал, что надо мной издеваются, но, каким-то чудом подавив раздражение, нашел что ответить.

– Хорошо, мне все равно. Пусть будет Кэт, – я постарался придать голосу как можно больше безразличия, и, кажется, это получилось.

– Вы чем-то обеспокоены, Валентин?

– Я? А вы как думаете?

– Я выполняю просьбу моего отца, вот и все, – она отчет-

ливо вздохнула и произнесла: – Вы меня совсем не помните?

Сначала мне показалось, что я ослышался, но память услужливо подкинула картинку – я у своего подъезда и смотрю на красивую, но очень молодую (по моим меркам) девушку, которая милым голосом спрашивает меня, буду ли я открывать дверь. Я вспомнил, как мы вместе ехали в лифте, вспомнил свое удивление и... радость, что она выходит из лифта вместе со мной. Вспомнил ее улыбку, когда она увидела, с каким удивлением я смотрю на ее руки, вставляющие ключ в дверь квартиры моего соседа. И конечно, ее слова, которые она произнесла, мило усмехаясь:

– Я не грабитель. Виктор Николаевич мой отец...

Потом я, как бы в шутку, говорил соседу, что в его квартиру «влез» очень симпатичный вор, на что он улыбнулся и ответил:

– Это моя дочь... от другого брака...

Судя по ее спокойному голосу, она ничего не знала о гибели отца. Или знала, но уже успокоилась? Черт их разберет, этих женщин! Мне не хотелось быть вестником смерти, и я решил ничего пока ей не говорить. Но девушка продолжала меня удивлять.

– Папе угрожают какие-то люди. Я не знаю кто, но со вчерашнего вечера сама не своя. Я пыталась дозвониться ему, но ни один из его телефонов не отвечает. А вечером от него пришло заказное письмо. Там целая инструкция, что вам нужно сделать, и этот номер телефона. – Она помолчала,

словно решаясь спросить, затем, видимо все же решившись, тихо спросила: – С ним все в порядке?

Так, а вот и инструкция! И сейчас я уже стоял перед выбором, лгать или не лгать? Шекспир был повсюду.

– Катя, можно я так буду вас называть?

– Да, конечно, это мое имя, – призналась девушка, и я подумал, что в этом есть что-то символичное.

– Послушайте, я мало что знаю, но ваш отец говорил то же самое. Он сказал, что кто-то хочет его убить, но не сообщил, кто именно. Потом я ушел и с тех пор его не видел.

Если подходить с моральной точки зрения, то я, конечно, соврал. А если с юридической, то в моих словах не было ни капли лжи. Я просто не сказал всей правды, которая была совсем непохожа на мою щадящую «правду».

– Может, он решил спрятаться где-нибудь на время, пока все не утихнет? – В ее голосе слышалась надежда.

Я промолчал. Не мог я больше обманывать эту девушку, к которой испытывал странное влечение, видевав ее всего лишь раз три года назад и слыша всего в третий раз в жизни.

Она истолковала мое молчание как нежелание продолжать разговор на эту тему, и ее голос стал ровнее и сдержаннее:

– Хорошо, у вас до выхода осталось двадцать минут. Я позвоню вам ровно в восемь.

– Постойте, – я не хотел, чтобы она думала, что я занимаюсь этим делом из каких-то корыстных побуждений, – ваш

отец говорил, что я должен доставить куда-то одну вещь. Вы не знаете, куда именно?

– Нет, – она подумала немного и добавила: – У меня странная инструкция.

– То есть?

– Она состоит из листков, которые я должна уничтожать, по мере выполнения заданий.

Я промолчал, удивляясь про себя тому факту что, будучи уже мертвым, Виктор Николаевич управляет нашими действиями.

– Валентин? – Она решила, что я не слушаю. Это было не так, и я поспешил ответить:

– Да, я здесь.

– Мне почему-то очень страшно.

Я хотел признаться, что мне тоже не весело, но вместо этого сказал:

– Все будет нормально. Давайте не будем отходить от инструкций вашего отца, и все получится.

– Хорошо.

– Да, а сколько там всего листков?

– Не знаю, они вложены один в другой.

«Как странно», – подумал я, но вслух произнес:

– О'кей, – и, ограничившись этим нерусским словом, я выключил телефон.

Еще один сюрприз минувшей ночи. В деле принимает участие, и непосредственное, родная дочь моего соседа. Ин-

интересно, что мне еще предстоит узнать? Ведь это, как я понимаю, только цветочки.

В половине восьмого я вышел из подъезда, спустившись пешком по черной лестнице, потому что не работал ни один лифт. По дороге нагнал соседа с седьмого этажа и, затеяв разговор о ценах, правительстве и взяточниках, то есть на самые животрепещущие темы, вышел с ним из подъезда, продолжая разговор, который вел теперь лишь мой спутник, Олег Петрович, также бывший военный и тоже пенсионер. Хотя сейчас он ехал на работу. В какое-то частное охранное предприятие. Времена такие.

Он говорил до самой остановки, я же, нарушая данные полковником инструкции, постоянно озирался вокруг, выискивая подозрительные лица, едва не заработав паранойю. Все вокруг казались мне подозрительными, хотя среди стоящих на остановке я увидел много своих соседей. Впрочем, они и так были «подозрительными лицами» с бегающими глазками. Никто почему-то не хотел встречаться со мной глазами, и, впервые задумавшись на эту тему, я стал припоминать, кто мне смотрел в глаза. Почему-то припомнилась та, первая Кэт, и сразу стало неприятно – она никогда не смотрела мне в глаза. Посмотрит так, вскользь, и уводит взгляд. Гадюка! Небось с самого начала знала, как поступит!

В автобусе, в который мы с Олегом Петровичем еле влезли, он громким шепотом продолжал объяснять, в каком паскудном государстве мы живем, и что он всю свою жизнь от-

дал на служение ему, а чем отблагодарили? Нищенской пенсией и редкими подачками на 9 Мая в виде ненужных медалек и устных благодарностей за верную службу?! Да в жопу! А с прошлого года еще и льготы урезали, заменив их смешными рублями, которых не хватало даже на проездной в метро.

Я уже жалел, что завел старика. Теперь он будет весь день злой на все начальство, а может, и того хуже – удар человека хватит, и виноват буду я. Зря я о правительстве, достаточно было сказать о пробке на дорогах. На разбушевавшегося не в меру старика уже начали обращать внимание другие пассажиры, поворачивая к нам полусонные, недовольные лица, а одна бабушка, у которой, видимо, тоже с психикой было не все в порядке, даже замахнулась на Олега Петровича, прокрипев что-то типа:

– Замолчи, ирод! Без тебя тошно!

На моего соседа это подействовало, и я был благодарен бабке, хоть она и не вызвала во мне никаких симпатий. Просто я уже устал от говорливого старичка.

На Таганке мы с ним распрощались. Я подождал, пока он спустится в метро, и достал мобильник. Часы показывали без пяти восемь. До контрольного звонка оставалось пять минут, и я подошел к киоску. Купив пачку «Парламента», я достал сигарету, но прикурить не успел. Ужом зашевелившись в руке, смарт издал уже знакомый мне переливчатый сигнал. Я вновь посмотрел на часы. Они показывали без трех минут.

Я подумал, что девушка волнуется. Но вновь ошибся. Это была Кэт. В смысле, бывшая Кэт. По ее голосу я понял, что она пьяна как сапожник.

– Ну, что... нашел свою дурацкую «Хонду»?!

– Да, – я ответил сухо, надеясь сразить ее своим безразличием. – Извини, Кэт, я жду звонка. Тебе что-то нужно?

– Как ты смеешь так со мной разговаривать?! – Это было начало. Она всегда так начинала. Вообще, я только сейчас стал понимать, что моя бывшая подружка была не более чем набором штампов, пригодных к большинству ситуаций. Прямо Эллочка-людоедка, но, к сожалению, с большим запасом слов. – Негодяй, ты не достоин меня, моей любви, моих страданий!

На этом месте она икнула и дальше продолжала, икая почти через слово:

– Я среди ночи, ик, пригнала ему мотоцикл, ик, а он... козел неблагодарный, ик, еще спрашивает?! Да как ты смеешь?!

– Кэт, – я постарался вложить в свой голос и твердость, и жесткость и даже, если хотите, жестокость, – у меня нет времени выяснять, кто из нас козел, а кто свинья. Поэтому, если все важное ты уже сказала, предлагаю закончить разговор.

– Да, ик, как ты смеешь?! Ик! – Она была настолько пьяна, что не осознавала, что говорит одно и то же. Что-то слишком много повторений. То Гера твердил про баб, которые все

дуры, то теперь эта все пытается понять, как я смею. Становилось очевидным, пока она этого не поймет, вопрос будет задаваться постоянно. И я решил объяснить.

– Я не хотел тебе говорить, но раз ты спрашиваешь. Это ты не имеешь на меня никаких прав, так что, пожалуйста, заткнись и проваливай с моим телефоном, пока я не заявил на тебя в полицию.

И, не дожидаясь очередного «да как ты смеешь?!», отключился. На часах было восемь ноль одна. Звонок раздался почти сразу. Я уже приготовился наорать, но, к счастью, а может, наоборот, это была другая Кэт – Катя.

– У вас был занят телефон. – Мне показалась, что она недовольна.

– Кто-то ошибся, – мне не хотелось ей объяснять про Кэт.

Кэт, или лучше, чтобы не путаться, я буду называть ее Катей, помолчала и спросила:

– Где вы?

– На Таганке.

– Хорошо. Спускайтесь в метро, доедете до «Пушкинской», пересядете на зеленую ветку и на «Новокузнецкой» сделайте переход на «Третьяковскую». Выйдете из метро и идите по Малой Ордынке в сторону «Добрынинской». Запомнили?

– Это несложно.

– Хорошо. Когда дойдете до дома номер восемнадцать, строение три, позвоните мне. Вы посмотрели мой номер?

Честно говоря, я этого не сделал, но вновь ответил ей полуправду:

– Да, он есть в памяти.

– Жду вашего звонка, – и отключилась.

Ох уж, эти дети шпионов! Они еще таинственней, чем их родители, шпионы по профессии.

Я спустился в метро и начал свой путь в московской подземке. Стараясь не поддаваться волнению, я в точности совершил все предписанные перемещения, и, когда выходил из подземного выхода на станции «Третьяковская», было уже без двадцати пяти девять. По дороге я старался запоминать лица людей, едущих и идущих со мной, и пару раз я заметил, что вместе со мной с «Пушки» на «Тверскую» переходили несколько человек, а двое, мужчина и женщина, ехали со мной до «Новокузнецкой» в одном вагоне, хоть и в другом его конце. Затем женщина, спросившая меня, буду ли я выходить на «Новокузнецкой». Я вновь увидел ее на «Третьяковке». Обычная женщина, но смотрела как-то подозрительно, да и выходила странно.

Хотя что тут странного? Ну нужно ей так, разве это запрещено? Выйдя из подземки к «Макдоналдсу», встал в очередь к окошку. Женщина поднялась по ступеням и, покрутив головой во все стороны, пошла к Пятницкой. Очень подозрительно!

Я не стал покупать ненавистный фастфуд. Убедившись, что на меня никто не обращает внимания, отошел от пахнув-

шего вчерашним маргарином окошка и побрел по тихой, начинавшейся от метро улице. Дом номер 18 по Малой Ордынке был совсем недалеко, поэтому, чтобы не терять времени, я по дороге поискал в телефоне номер Кати. Входящих было два. Один – это мой, теперь уже бывший номер, другой начинался с 350. Я подошел к старому, можно сказать ветхому зданию, на котором висела бело-синяя табличка с цифрами 18/3, и нажал на телефоне кнопку вызова. Катя ответила моментально.

– Я возле дома восемнадцать. Что дальше?

– Видите подъездную дверь?

– Да, вижу. – Красная, или, правильнее, когда-то красная краска со времени своего последнего обновления превратилась в грязно-коричневую высохшую корку, за которой скрывалась деревянная дверь. Рядом висел допотопный механический замок. Я подошел к дверям и сообщил об этом Кате.

– Хорошо. Нажмите один и два одновременно и поднимайтесь на третий этаж. Квартира номер пять, третий этаж, слева от лестницы.

– Мне нужно войти туда? – поинтересовался я, чувствуя, как по спине побежала первая волна адреналина.

– Да. Ключ за дверью электрического щитка на магните. Пошарьте, его непросто найти, и не забудьте положить его обратно, когда будете уходить.

– Постараюсь.

– Хорошо. – У этой девушки тоже было «свое» любимое слово. – Только... – она чуть помедлила, – будьте осторожны.

– В каком смысле осторожен? Не застрять в лифте екатерининских времен? – Я попробовал пошутить, но сам понял, что шутка не удалась.

– Там, наверное, нет лифта, так что не переживайте, – ответила Катя, и мне показалось, я уловил в ее голосе насмешку.

– Прекрасно. Кстати, может и не к месту, но все же хотелось бы знать, что дальше?

– Дальше я не вскрывала.

Я удивился, но, впрочем, несильно.

– А когда вскроете?

– Когда выйдете оттуда.

Мне показалось, что я знаю причину, по которой полковник написал инструкцию именно так, и мне стало неприятно. Я подумал, что это сделано, чтобы исключить возможность риска. Иными словами, если меня кто-нибудь застукает за тем, что я проник в чужую квартиру, то я не смогу выдать того, чего попросту не знаю. Умно, но неприятно. Я с трудом сдержал свои эмоции.

– Ладно, допустим, я вошел в квартиру, а дальше что? Действовать по своему разумению?

– Не знаю, – после секундного молчания произнесла девушка. – Вы еще можете отказаться.

Я подумал, что после вчерашнего вряд ли это сделаю,

и сказал:

– Хорошо, я войду. А потом перезвоню вам.

– Будьте осторожны. Здесь не написано, но мне кажется... это опасно, – эти ее слова слегка примирили с моей незавидной ролью.

– О'кей, я буду осторожен.

Прежде чем войти в подъезд, я машинально посмотрел направо и увидел мужичка, медленно бредущего по тротуару. Несмотря на раннее утро, походка выдавала его нетрезвое состояние, что успокоило, поскольку никого больше на улице не было.

На третий этаж я взбежал довольно проворно, учитывая, что в доме, построенном лет за сто до моего рождения, все ступени были низкими, из-за чего привычный размер прыжка в две советские ступеньки был не очень удобен. Две ступени были коротки, а три, наоборот, длинны. Но я приноровился и, остановившись перед квартирой с надписью 5, почти не запыхался.

Дверь была обычной, металлической, черного цвета, без каких-либо изысков. Два замка, глазок и все. Я взглянул на металлическую дверцу, за которой скрывался электрический щиток, и заметил, что замок вдет лишь в одно кольцо. Через несколько секунд, за которые я успел подумать, что зря не позаботился о резиновых перчатках, ключи были у меня в руке. На ключах была выцарапано: 1 и 2. Я посмотрел на дверь, увидел два замка и вставил первый ключ в верхний...

За первой дверью оказалась вторая, но она была просто прикрыта. Несмотря на отсутствие на ней замков, эта дверь казалась намного надежней предыдущей – выполненная из массива дуба, она представляла собой настоящее произведение искусства. Резные орнаменты обрамляли ее по всему периметру, на верхней половине правой и левой створки красовались барельефы в такой реалистичной манере, что ничего не понимающий в этом деле, я углядел красоту, ранее мне недоступную.

Внизу хлопнула дверь. Я осторожно посмотрел в пролет, но никого не увидел. Может, кто-то вышел, но я все же поторопился войти в квартиру и захлопнуть за собой дверь. Дверь не захлопнулась. Она мягко и довольно быстро стала закрываться, но щелчка не услышал. Осторожно толкнул дверь – на месте. Приложил руку и надавил. Вроде закрыто.

Я толкнул обе половинки массивной двери, и они раздвинулись, открывая передо мной совершенно новый мир. Комната, если это была комната, больше походила на вестибюль какого-нибудь театра, чем на прихожую в московских квартирах. Я ступил на прекрасный, цвета слоновой кости паркет, и мне стало стыдно моих кроссовок, убого смотревшихся на этом великолепии. Стоявшая вдоль стен этой фантастической прихожей мебель казалась взятой напрокат из музея антиквариата, на ней не было той печати дряхлости, которыми обычно отмечены бабушкины комоды, тахты и прочая рухлядь. Все диваны и кресла на высоких ножках (или

это стулья?) выглядели абсолютно новыми, и я вдруг понял, что этот стиль вовсе не старомоден. Напротив, он был гораздо авангарднее всяких блестящих металлических конструкций, цветных витражей с невозможной подсветкой или, чего доброго, глиняных стен, которые в последнее время рекламируются в гламурных журналах. Сам я, правда, их не читал, кто-то рассказывал.

Из прихожей вели две двери. Сначала я заглянул в ту, что была слева, за которой оказалось что-то вроде кладовки. Пачки с чистым бельем, белые рубашки и костюмы разных цветов, висевшие на плечиках и подтянутые почти к потолку, мягкая обувь.

Я открыл другую дверь и увидел, что метрах в трех от нее так поразивший меня паркет заканчивается. И дальше ничего нет. Только высокие, резные перила, ограждающие пустое пространство. Пола не было, но подойдя ближе к краю, я увидел лестницу, ведущую вниз. Похожая на раковину в разрезе лестница привела меня в огромное помещение, скупо освещенное двумя лампочками в противоположных концах, что и давало представление о размерах помещения. Все остальное было в полумраке, в котором было бы трудно найти даже пачку сигарет. Я остановился в нерешительности на последней ступеньке, не зная, в какую сторону идти.

Потянуло вправо. Коня не было, так что и терять вроде нечего. Это я себя успокаивал такими шуточками, потому что, несмотря на абсолютную тишину, царившую здесь, а мо-

жет, именно из-за нее, внутри росло беспокойство, сильно смахивающее на страх. Я шел между столами и стульями, которые стал различать, как только глаза свыклись со скудным освещением, стараясь не шуметь и ничего не трогать. До лампочки, освещавшей небольшую часть стены и немного перед ней, оставалось метров десять, не больше, когда раздался слабый, еле различимый звук. Происхождение звука было неясным, и, затаив дыхание, я остановился в надежде, что меня в этом полумраке не видно. Увидев рядом стул, я присел на него, окончательно слившись с обстановкой.

Целую минуту ничего не происходило, и я почти успокоился, когда звук повторился вновь, в этот раз гораздо ближе. Что-то смутно знакомое было в нем. Я таращил глаза, вертя головой в разные стороны, надеясь увидеть опасность раньше, чем она найдет меня. Звук вновь раздался почти рядом, и что-то мягкое прикоснулось к моей ноге. Я вздрогнул и посмотрел вниз. Ужас охватил меня и тут же отпустил. Это была кошка. Или кот. Я слабо разбираюсь в этом, но характерное урчание, доносившееся снизу, и почти сексуальное домогательство моей ноги с определенностью говорило о том, что хотя бы в названии животного я не ошибся. Еще через секунду я увидел ее. Это было пушистое, маленькое создание, неопределенного цвета, поскольку разглядеть при таком освещении масть не представлялось возможным.

Животное урчало, не переставая, и терлось об меня, словно мы были знакомы с пеленок. Я нагнулся и осторожно при-

поднял легкое, как перышко, теплое тельце. На шее у животного был повязан маленький бант темного цвета, формой напоминавший галстук-бабочку. Я подумал, если кошка такая ручная, то, должно быть, хозяева либо были совсем недавно, либо скоро придут. В обоих случаях не мешало бы поторопиться.

Урчание усилилось и теперь напоминало маленький моторчик, в котором, несмотря на малые размеры, таились невероятная скорость и такая же реакция. Признавшее во мне друга создание немного придало бодрости, и я почти справился со своим предательски быстрым сердцебиением. Но стоять, наслаждаясь дружбой человека с младшими братьями (или сестрами?), времени не было.

Я осторожно опустил «сестричку» на пол и продолжил прерванное движение к лампочке. На ум пришло сравнение с мотыльком, летящим на ярко пылающую свечу, с единственным желанием оказаться как можно ближе к источнику света. По спине забегали крупные, почти африканские муравьи. Мне не хотелось бы остаться возле горевшей лампочки, как тот мотылек, и я сбавил ход.

Судя по тому, что я видел вокруг, это была не квартира, а какой-то закрытый клуб, в элитарности которого я не сомневался с той секунды, как вошел в этот шикарный пентхаус. То, что сейчас здесь было безлюдно, не удивляло. Во-первых, сейчас почти раннее утро, во-вторых, четверг и, в-третьих – думаю, что полковник не стал бы посылать меня

сюда, если бы не был уверен в том, что здесь пусто как в космосе. (Хотя в космосе, кажется, не водятся коты, да и кошки тоже.) Самым странным было отсутствие даже не охраны, а сторожа или хотя бы вахтера, фиксирующего посетителей в свой журнал. Здесь также было темно, но обстановка, судя по всему, ничуть не уступала той, что была наверху. Следовательно, хозяева клуба, кем бы они ни были, должны были позаботиться, чтобы воры, коих развелось в наше лихое время, не забрались сюда и не растащили бы всю дорогую мебель и вообще все, что здесь находилось.

Слегка озадаченный этими вопросами, я не заметил, как оказался возле небольшой и неприметной дверки, столь искусно замаскированной под обои, что не оказись я рядом, ни за что бы не догадался, что она есть. Строго говоря, я встал спиной к стене, не заметив, что прислонился именно к двери, и лишь когда за мной вдруг исчезла опора и, потеряв равновесие, я ввалился в другую комнату, тогда-то мою голову и посетили вышеперечисленные мысли.

Я сидел на полу, и, если любимый копчик и болел от встречи с красивым, но от того ничуть не менее твердым полом, изумление от увиденного напрочь заглушало все остальные чувства. Комната, площадью тридцать или сорок метров, а может, и больше, освещалась просачивающимся сквозь матовые стекла дневным светом и была не менее богата, чем все, что я видел тут до сих пор. Вряд ли это могло удивить, если бы помимо богатых мебели, как говаривал

один известный персонаж, повсюду, куда ни посмотри, виднелись следы деятельности людей, которых в нашем, чрезвычайно развитом и цивилизованном обществе называют садомазохистами. Я слышал, что в Москве существуют бордели, специализирующиеся именно на подобных извращениях, но мне почему-то казалось, что такие заведения должны быть убогими в убранстве и там обязательно должен присутствовать какой-нибудь умопомрачительно отвратительный запах. Я даже задержал дыхание, чтобы случайно не вдохнуть ядовитых миазмов чьих-то гнусных испарений, но через несколько секунд сдался и осторожно, через рукав втянул носом воздух, оказавшийся ничуть не вонючим.

Приободрившись, я поднялся на ноги и, потирая ушибленный зад, начал обход и осмотр достопримечательностей. А посмотреть было на что. Всевозможные орудия пыток, о чем можно говорить безо всяких кавычек, поражали мое воображение своими бесконечными вариациями, я бы сказал, почти изысками, в своей болезненной фантастичности. Предназначение одних было понятно с первого взгляда. Например, всякие там кнутики, плеточки, наручнички. Именно наручнички, потому что полицейское слово наручники, здесь явно не годилось. Я думаю, что никто и никогда не видел преступника на скамье подсудимых, наручнички которого были из золота или с которых свисали бы маленькие комочки шиншиллы. Кожаные костюмы, маски, сапоги, и это была лишь малая часть арсенала.

Многие предметы вызывали удивление, но, чуть напрягши фантазию, я понял, какие части тела зажимались во всякого рода отверстиях и тисочках, выполненных из дорогих материалов. С потолка свисали какие-то шнуры, опять же заканчивающиеся чем-то наподобие наручников, но уже не золотых, обыкновенная капроновая веревка с петлей на конце и что-то вроде спортивного снаряда под названием «Кольца», хотя вряд ли эта комната служила тренировочным залом для гимнастов.

В комнате не было кровати в прямом смысле слова, но было нечто, похожее на жесткий топчан, с четырьмя кольцами по углам и вдетыми в них черными ремешками. В творческом беспорядке стояли непонятные агрегаты, смысл и предназначение которых стал доходить до меня, лишь когда я заметил на конце одной из длинных трубок, исходящей из массивного прибора, чем-то напоминающего кухонный комбайн, обычный презерватив.

Конечно, может, он был и не обычным, не знаю, но выглядел, как и все остальные резиновые изделия для безопасного секса. Не на шутку разыгравшееся воображение тут же нарисовало картину со стоящим на четвереньках человеком (почему-то представился именно мужик!), у которого в известном месте торчала такая вот игрушка! И не просто торчала, а двигалась – взад-вперед, взад-вперед!

Меня чуть не стошнило! Я, конечно, не святой, какое-никакое представление об этих игрушках имею и даже как-

то баловался с одной из подружек, доводя ее до экстатических судорог. Но что такое обычный вибратор, стимулирующий отдельные части женских половых органов по сравнению с этим монстром, с таким огромным членом на конце, что я только сейчас понял, на что был натянут презерватив!

Обойдя стороной отвратительное устройство, я заметил на нем какие-то кнопки и что-то похожее на регулятор мощности звука. Позывы из желудка были очень натуральными, и я поспешил отвернуться, чтобы увидеть еще более мерзкую картину – это был стул. Большой такой, с прямой высокой спинкой и подлокотниками, с краев стула свисали такие же черные ремни с пряжками, как на тех, что были продеты в кольца на прокрустовом «ложе любви». В сиденье была вырезана аккуратная дырка и мое воображение вновь нарисовало картину, почему-то опять с мужчиной в главной роли. К ножкам огромного стула крепились маленькие, но очень уж натуралистично выглядевшие кандалы, ржавого, не вязавшегося с окружающей обстановкой, цвета.

Внутри меня что-то екнуло. Сам не зная почему, я опустился на корточки и внимательнее присмотрелся: кандалы были натуральными, и ржавчина казалась такой же – рыжая, бугристая и пористая. Я понял, что сейчас меня вырвет, как девственницу, впервые увидевшую сперму, потому что вдруг понял – это была настоящая кровь! Засохшая или спекшаяся, это уже не казалось чьим-то болезненным сексуальным извращением, а больше походило на пытку, запре-

ценную всеми человеческими и божескими законами, что в свою очередь означало... Я не успел додумать, что бы это могло означать, потому что в кармане задребезжал хитрый смартфон убитого полковника, едва не вызвав преждевременный паралич. Это могла быть одна из девушек по имени Катя, поэтому я даже не посмотрел на номер, определившийся на дисплее большими, синими цифрами.

Я приложил трубку к уху и тихо, стараясь не выказать своего волнения, сказал:

– Алло.

Это была Катя. В смысле дочь полковника.

– Валентин, вам уже пора уходить. Почему вы так долго?

Я взглянул на смартфон и поразился – я находился здесь почти двадцать минут. А показалось, что прошло не более пяти.

– Здесь большие площади, – ответил я девушке, решив не уточнять, что именно меня задержало.

– Я не поняла. Где вы сейчас?

– Там же, где и был, – Малая Ордынка, восемнадцать, только вот насчет квартиры я не уверен. По-моему, это уже не пятая квартира.

– Что значит, не пятая? Вы перепутали дверь?

Я подумал, что, скорее всего, я даже не в том подъезде, в который входил. Площади комнат, через которые я проходил, вряд ли могли уместиться в небольших и довольно тесных подъездах.

– Я не знаю, но я на втором этаже.

– Что?! Почему?! Вы перепутали! Уходите, немедленно уходите! Вас могут поймать хозяева! – Было смешно и почему-то приятно слышать, как она беспокоится за меня.

– Не бойтесь, хозяева, если они есть, здесь те же, что и в пятой квартире, через которую я попал сюда.

Катя помолчала пару секунд и уже более спокойным голосом спросила:

– Откуда вы знаете?

Я усмехнулся.

– Догадался.

– Вы нашли? – Она словно недоговорила.

– Что именно?

– Не знаю. Мне казалось, что вы знаете, что искать.

Я удивился про себя. Откуда я мог знать, что нужно здесь искать? Я огляделся. И даже посмотрел вверх, но там, как ни странно, не было ничего особенного. Хотя, приглядевшись, я заметил нечто интересное.

Я вспомнил про девушку, которая ждала моего ответа, и вновь поднес к уху смарт.

– Катя, я перезвоню вам, как выйду.

– Вы нашли что-то? – Кажется, я уже говорил, что эта девушка умела читать мои мысли.

– Да. Я перезвоню вам, – повторил я как можно вежливей и отключил телефон.

Поискав глазами какой-нибудь предмет, чтобы взобрать-

ся на него и разглядеть, что это за маленькая такая штучка виднеется под самым потолком, я не нашел ничего лучшего, кроме этого самого стула и, внутренне содрогаясь от охватившей меня брезгливости, ногой подтолкнул его к стене. Взобравшись на массивные подлокотники пыточного стула, я дотянулся рукой до крошечного выступа, который оказался не чем иным, как мини-камерой. Не думая, я ухватился за нее кончиками пальцев и попробовал расшевелить. Пара маленьких белых кусочков, кружась, полетели вниз, и это все, чего я добился. Камера сидела глубоко, и, чтобы ее выковырять, требовался какой-то инструмент.

Как противник насилия, я никогда не носил с собой ножа и сейчас, наверное, впервые в жизни, по-настоящему пожалел об этом. Правда, недолго. Вспомнив, где нахожусь, я спрыгнул вниз и, чувствуя охвативший меня азарт, подбежал к маленькому столику, на котором лежали инструменты, которые можно увидеть разве что в морге. Чего здесь только не было, но я схватил длинный и довольно толстоватый для скальпеля инструмент и вновь взобрался на жуткий стул. Быстро проделал небольшую дырочку рядом с камерой и, расширяя ее по кругу, вскоре оголил всю камеру. Перехватив скальпель левой, правой рукой ухватился за камеру, пытаясь вытащить ее из стены.

Через минуту мои усилия увенчались успехом, и с легким шорохом камера вылезла из своей ниши. За ней потянулся провод, и я подумал, что некоторые фильмы все же полезно

смотреть. Стараясь не оборвать тонкий проводок, осторожно и медленно потянул камеру вниз. Провод послушно выполз за ней, выламывая нетолстый слой штукатурки, скрывавшей его от посторонних глаз. Спрыгнув со стула, я перехватил провод ближе к стене и так же методично продолжил вытаскивать его. Дойдя до середины стены, тонкий кабелек, оказавшийся на удивление прочным, свернул направо и продолжил путь строго горизонтально.

Еще через пару метров он натянулся, и я понял, что все интересующее меня находится за стеной. Вспомнив о тайной двери, совершенно неотличимой от стен в предыдущем зале, я нажал в этом месте на твердую стену, но никакого эффекта. Не смущаясь, во мне словно ожили Эркюль, Мегрэ и прочие Пинкертоны, неторопливо исследовал ровную, без каких-либо выступов стену, и удача сторицей вознаградила за упорство.

В одном месте стена имела странный наклон, абсолютно неразличимый фронтально, но если смотреть на нее сбоку, то становилось заметно, что маленький кружок, диаметром чуть более двух сантиметров, имел едва заметный наклон. Вздыхнув поглубже, я вдавил его. Сначала ничего не произошло, и я уже почти расстроился, но через секунду услышал звук маленького моторчика, доносящийся правее. Я взглянул в ту сторону и увидел, что стена, примыкавшая к противоположной от входа стене, отъехала назад. Держа в левой руке мощное оружие патологоанатома, я осторожно заглянул

внутри открывшегося проема.

Я часто смотрю фантастические фильмы, где непременным атрибутом картины является таинственный пульт с миллионом непонятных лампочек и индикаторов, и мне всегда было непонятно, как в них можно не запутаться. Например, нажать не на ту кнопку и все, баста! Разгерметизация, самоуничтожение или еще какая беда. То, что было в маленькой комнате, напомнило именно об этом. Половину комнаты занимал большой пульт с разными цветными, горящими лампочками, кучей мониторов и целым шкафом с рядами приборов, даже издали напоминающими записывающие устройства. Назвать их видеоманитофонами почему-то не поворачивался язык. Рядом высилась этажерка, на которой ровными рядами стояли маленькие, плоские квадратные коробочки.

Меня прошиб пот. Что было на них записано, можно было только представлять, но азарт, целиком овладевший мною, вынудил взять первую попавшуюся коробочку, которая оказалась мини-диском, с магическими цифрами 32 на лицевой стороне, и вставить ее в прорезь одного из устройств. Я увидел кнопку с надписью на английском языке, означавшую пуск, и нажал ее. На мониторах ничего не появилось. Тогда я вынул мини-диск и вставил его в следующее устройство. То же самое. Так повторилось несколько раз, пока я наконец не догадался потыкать несколько кнопок на пульте. На экране слева изменилась картинка, и вместо темного

помещения, в котором угадывался банкетный зал, возникла комната, из которой я только что вошел сюда. Комната была видна сверху и почти по диагонали. Дальнейшее вогнало меня в ступор. На стуле, с помощью которого я добрался до камеры, сидел голый мужчина, то и дело подскакивающий на сиденье, словно ему в одно мягкое место вонзали сапожное шило. Я вспомнил дыру в сиденье и почувствовал, как судорожно дернулся мой несчастный желудок.

И это было лишь начало! Откуда-то, из мертвой для камеры зоны, к нему подошла женщина, одетая, а точнее раздетая в какие-то ремешки, выполнявшие функции то ли одежды, то ли белья, и, что-то сказав привязанному к стулу мужику (звука не было, но ее пантомима была очень выразительна), ткнула его чем-то длинным в область живота. Мужчина снова дернулся и затих. Она потыкала его несколько раз, на что он каждый раз пытался приподнять руки, притянутые к подлокотникам, и даже без звука было件нятно, что ему очень больно. Лиц было не разглядеть, освещение не позволяло, да и угол был довольно острым, поэтому разглядеть персонажей подробней не удавалось. Женщина постояла возле мужчины, что-то нашептывая ему в ухо и не забывая тыкать своим орудием, затем на несколько секунд исчезла из поля зрения, а когда появилась, в ее руках было что-то живо напомнившее огромные кусачки, лежавшие на «хирургическом» столике.

Она присела на корточки и начала делать ему минет. Мужчина заерзал на стуле, но женщина не останавливалась. Че-

рез несколько секунд, видимо добившись того, чего хотела, она встала и, протянув эти ужасные кусачки, что-то ухватила у того между ног. Несчастный запрокинул голову вверх, и, несмотря на маленький экран, я разглядел его расширенные от боли глаза, смотревшие прямо на меня. Рот мужчины был искривлен в крике, и, несмотря на отсутствие звука, я почти слышал его. Все мои волосы встали дыбом от ужаса! Никогда не думал, что увиденное на экране может так потрясти. Я уже не мог смотреть на монитор, а желудок грозил вернуть назад пищу, которую я с удовольствием поглощал несколько часов назад, и лишь невероятным усилием удалось сдержаться.

Дрожащей от непривычной слабости рукой я нажал на кнопку, и мини-диск с мягким шелестом выехал из проигрывателя. Надо было уходить. Видимо, это я и должен был найти! Взять парочку мини-дисков, и пусть те, кому надо, разбираются, что за нелюди посещали это богомерзкое заведение и кого здесь мучили. А с меня хватит! Насмотрелся на всю оставшуюся жизнь! Я вытащил несколько коробочек с разными номерами, подумал, что четырех штук будет достаточно, чтобы засадить всю эту компанию на долгие годы куда-нибудь, откуда обычно не возвращаются. Белый Лебедь или Черный Гусь, что-то в этом роде. И все! Я свое сделал, и пора уходить из этого притона.

Несмотря на пережитое, я помнил о Германе, который наверняка уже ругал меня на чем свет стоит, и торопливо

огляделся – вдруг что-то оставил, что может привести на мой след, когда до меня дошло! Тут кругом мои следы! Отпечатки пальцев, следы обуви, может, еще что-то, о чем знают специальные службы и не знают обычные граждане вроде меня. Хотя, я все же знаю.

Ну и хрен с ним, подумалось. Я смогу объяснить, как и почему я сюда попал, а там не мое дело. Им, в конце концов, за это и платят, чтобы разбирались.

Хотя кому им и почему они должны разбирать это дерьмо? Я задумался, и это было ошибкой – с каждой секундой вера в торжество справедливости почему-то теряла в силе, а накопившаяся за последние сутки усталость не только не добавляла уверенности в правоте моих рассуждений, а ровно наоборот. Я кожей чувствовал, что нахожусь в опасности. В такой, какой не был даже тогда, когда подрабатывал каскадером, и нужно было совершить опасный трюк, после которого три месяца провалялся на койке и пропустил чемпионат Европы.

Вспомнилось о ключе со странной надписью «К-32». Он сказал, что там лежит диск. Если уже есть один диск, то какого черта мне надо было приходить в этот бордель?! И где этот ящик, от которого у меня был ключ?! «К-32»! Что это могло означать, я не имел ни малейшего представления, но ведь дали мне его не просто так! Значит, мой покойный сосед имел веские основания думать, что я пойму, что с ним делать, с этим чертовым ключом!

Я был взвинчен до предела, и ничего удивительного в том, что я вскрикнул, когда в кармане вновь заерзал телефон. Я вытащил его и посмотрел на номер, горевший на дисплее. Не мой. Значит, Катя.

– Алло, – сказал, точнее, хотел сказать я, но получилось нечто вроде «Ах-ло».

– Валентин, вы еще там? – Катя почему-то говорила шепотом.

– Да, но уже ухожу, – я сказал истинную правду, потому что ничто не могло меня заставить оставаться в этом доме еще хоть одну минуту.

– Валентин, мне кажется, за мной следят, а наш разговор подслушивается. – Я почувствовал, как мои опустившиеся было на место волосы, вопреки законам биологии и физики, вновь пытаются отделиться от головы.

– Как это, кажется?! – Я не мог спокойно соображать. Нервы были натянуты до предела, грозя лопнуть в любую секунду.

– Найдите меня, я не хочу говорить адрес по телефону, а вам надо срочно уходить оттуда. Вы тоже в опасности, я чувствую это, – она по-прежнему говорила очень тихо, и я представил красивую, притаившуюся за хлипкой преградой девушку, все еще пытающуюся спасти меня от гибели.

– Катя, немедленно уходите и ждите меня там, где я делал первую пересадку. – Не знаю, как мне пришло в голову назвать место так, чтобы поняла только она, но в ту минуту

мне показалось, что это удачная мысль. – И еще... – я остановился, чтобы перевести дух.

– Я слушаю, Валентин.

– Вскройте следующий лист, прочтите и запомните. Там должен быть адрес. Скажете, когда встретимся, – я старался говорить тихо, но прекрасно понимал, что если нас подслушивают, это не имеет никакого значения.

– Хорошо, я поняла, – так же тихо ответила незнакомая дочь полковника Осипова и отключилась.

Я не терял более ни секунды. Выскочив из глухой аппаратной в комнату пыток, в два шага промчался мимо стула, прокрустова ложа, мимо сверкающих хирургических инструментов и вылетел в огромный банкетный зал, в котором, казалось, остановилось само время. Потратив пару драгоценных секунд, чтобы определиться, в какой стороне находится лестница, я вновь включил пятую передачу и, уже не обращая внимания на подворачивающиеся под ноги столы и стулья, сбивая все на своем пути, мчался к ней, испытывая только одно желание – выбраться отсюда! Я слегка ошибся в направлении, но, посбивав еще пару столов, все-таки нашел едва освещенную неестественным светом лестницу и в два счета оказался на верхнем этаже. Дальше было просто. Не снижая скорости, я пробежал через вестибюль и остановился у самой двери, которую сначала посчитал произведением искусства.

Теперь мне уже так не казалось. Осторожно, насколько это

было возможно, я открыл дубовую дверь и, не увидев за ней никого, приблизился к входной. Вновь остановился, прислушиваясь к мертвой тишине. Набрав в легкие воздуха, как перед прыжком в воду, я вставил сначала ключ под номером 1, затем другой и одновременно повернув их против часовой стрелки, сильно толкнул металлическую дверь. Она открылась, плавно уходя в сторону. За ней тоже никого не было, и меня охватила почти неземная радость. Как оказалось, зря.

Не сдерживаясь, я почти выпрыгнул из мерзкой квартиры, оказавшись нос к носу с человеком, в котором через полсекунды признал показавшегося мне пьяным мужика. Он тоже не ожидал подобной прыти, и это была большая удача.

Вложив в удар всю накопившуюся злость, я с такой силой ударил мужика в челюсть, что почувствовал ужасную боль в кисти. Рука повисла, но удар оказался болезненным не только для меня. Не успевший уклониться от удара мужик отлетел назад, наткнулся на перила и, неловко перевесившись, вдруг полетел вниз, мгновенно исчезнув из поля зрения. Я растерялся, на некоторое время забыв про ужасную боль в руке, и стоял, не в силах сделать даже шаг.

Внизу глухо шмякнуло, и вновь наступила тишина, не нарушаемая абсолютно никакими звуками. Я мысленно пытался досчитать до трех, но почему-то дальше одного дело не шло. Я стоял и твердил про себя: «Один, один, один...» То ли скандинавский бог слышал меня, то ли многолетние занятия спортом дали о себе знать, но силы вскоре верну-

лись, выводя меня из ступора. Перескакивая через пролеты, я уже через пару секунд оказался внизу, где ровно посередине лестничного пролета лежало тело мужчины, которого убил я! Собственной рукой!

Во второй раз за сегодня я видел растекающееся пятно темно-красной жидкости и человека, лежащего в луже собственной крови. Рядом с ним валялся пистолет, черный, с длинным набалдашником на конце. Чтобы тихо убивать.

Мешкать было равносильно самоубийству, и, стараясь придать своему лицу как можно более спокойное выражение, я взялся за ручку подъездной двери и толкнул ее от себя, предварительно оттянув язычок замка. Дверь открылась, в глаза ударил солнечный свет, после полутемного подъезда показавшийся неестественно, до рези в глазах, ярким и жгучим. Я ожидал увидеть за этой, последней перед свободой дверью еще какого-нибудь врага, но там никого не оказалось, и я нарочито медленно, хоть это и давалось с невероятным трудом, закрыл подъездную дверь, неспешной походкой направляясь в сторону метро. Я шел по правой стороне безлюдной даже в этот час улицы и старался не думать о том, что случилось. Все мысли безжалостно вбивались обратно, но любой, кто увидел бы меня сейчас, сразу догадался бы, в чем дело.

Кажется, я был прав, потому что первая же встреченная мной на пути к метро женщина с нескрываемым испугом посмотрела на меня и поспешила перейти на другую сторону

неширокой улицы. Я не стал корчить ей страшные рожи, что не преминул бы сделать в другой ситуации, а сделал вид, что не заметил ее маневра, и продолжил путь тем же, как мне казалось, неторопливым шагом. Именно что казалось, потому что возле «Макдоналдса», с которого начинался этот, будь он не ладен, путь, я оказался гораздо быстрее, чем думал.

Не выдержав, я все-таки оглянулся, чтобы убедиться, — за мной никто не бежал и криков «Убили! Караул!» не раздавалось. На ходу достав сигареты (покурить мне было сейчас просто необходимо!), я подошел к киоску и, купив минералки, мгновенно осушил пол-литровую бутылку. Затем прикурил сигарету, пытаясь унять предательскую дрожь, и лишь после всех манипуляций вновь почувствовал ноющую, но вернувшую меня в реальность боль в руке.

Я посмотрел на опухавшую кисть и, как человек знакомый с переломами не понаслышке, определил — вывих. Это было некстати, но разве есть на этой планете хоть кто-то, кто мог бы утверждать обратное? Нельзя сказать, чтобы эта мысль так уж успокоила, но чувство безысходности, охватившее меня при виде мертвеца, куда-то отступило, уступая место тягостным раздумьям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.